

Антон Корнилов
Роман Валерьевич Злотников
Урожденный дворянин
Серия «Урожденный дворянин», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964415
Роман Злотников, Антон Корнилов. Урожденный дворянин: АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-077472-2

Аннотация

Его зовут Олег Гай Трегрей. Он подданный великой Империи. Он курсант Высшей имперской военной академии. Он владеет третьим уровнем имперского боевого комплекса и уже ступил на последнюю ступень постижения Столпа Величия Духа. И он – урожденный дворянин. Волею судеб он оказался один в мире: чужом, опасном, враждебном... не только ему, незваному пришельцу, но и собственным обитателям. Нашем с вами, читатель, мире...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Роман Злотников, Антон Корнилов

Урожденный дворянин

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Часть первая

Глава 1

Ночь была теплой и тихой – по-настоящему летней. На черное-черное небо рассыпали золотой горох звезд, и оттого что звезды беспрестанно мигали, казалось, будто они перекачиваются с одного края неба на другой.

Прохожих на улицах не было. Совсем. Окраинный Ленинский район Саратова этой ночью полностью оправдывал свой статус «спального».

По совершенно пустой проезжей части проспекта Строителей тащился дряхлый «бобик» – так в просторечие именуются автомобили патрульно-постовой службы полиции. И тарахтенье доживающего свой век двигателя, похожее на старческий прерывистый храп, вполне гармонично вписывалось в уютную тишину этой ночи.

– Кладбище... – зевнув, оценил обстановку управлявший «бобиком» сержант Леха Монахов – здоровый рыжий парень с нагловатыми глазами. – А ведь лето уже, одиннадцатый час. Самая работа, казалось бы... А, Степаныч?

Сидевший рядом с водителем старший прапорщик Николай Степанович Переверзев не ответил. Он курил, отвернувшись к окну.

– Может, тормознем где-нибудь у круглосуточного, перекусим? – помолчав, снова подал голос Монахов.

Прапорщик и на это высказывание сержанта не отреагировал.

– Жрать охота, – сказал Леха, обращаясь уже к самому себе. – А ты как, басурманин? – громче проговорил он, подняв глаза на зеркало заднего вида. – Жрать, говорю, охота!

Сержант Ибрагимов, задремавший было на заднем сиденье, откликнулся с готовностью:

– Жрать очень охота, да.

– Так я сворачиваю, значит, на Антонова? – вопросительно произнес Монахов, покосившись на прапорщика. – К той стекляшке... Ага, Степаныч?

– Продолжаем движение по маршруту, – не повернувшись, сказал Переверзев.

Монахов цокнул языком и хохотнул.

– Мрачный ты тип, Степаныч, – жизнерадостно, безо всякой досады, проговорил он. – По жизни мрачный, а сегодня что-то вообще... Может, случилось у тебя чего? Ты бы поделился с боевыми товарищами... Нет, ну, правда, слов, что ли, жалко?.. Если в натуре проблемы какие, так выговорись, легче станет. Не-ет, он молчать будет, как сыч, все дерьмо в себе держать. А от этого, между прочим, рак бывает...

Прапорщик обернулся к водителю и посмотрел на него так, что тот немедленно замолчал. Переверзев прикурил очередную сигарету от окурка и неглубоко, с отвращением затянулся.

Старший прапорщик взвода ППС Николай Степанович Переверзев был сорокадвухлетним поджарым мужчиной с изрядной «ленинской» лысиной и вислыми седоватыми усами, пожелтевшими под носом от табака. Косматые пегие брови и резко очерченные морщины на сухом лице и впрямь придавали ему вид человека сурового и неразговорчивого.

– Вас понял... – пробормотал Монахов, переводя взгляд на дорогу. – Молчим-с, ваше сиятельство-с. Где уж нам разговаривать-с...

Сержант был не прав. Переверзев сейчас, пожалуй, действительно нуждался в собеседнике. Да только не в таком, как Леха Монахов. Уж кому-кому, а этому рыжему балбесу Николай Степанович душу распахивать не собирался. Недолгоблывал товарищ прапорщик

Леху Монахова. За многое. За что, что шел тот по жизни как-то... вприпрыжку. Как перво-классник из школы. Закончил Леха одиннадцать классов, сунулся в политехнический институт. Поступил, но через месяц бросил. Потому что, как сам охотно рассказывал, «надоело». Подал документы в школу милиции. И ведь опять поступил! Даже отучился целых два года. А потом бросил, поскольку и на этот раз – надоело. Отслужил срочную, дембельнулся, с год провалял дурака, пьянствуя и случайно подрабатывая, где попало. А потом вдруг взял, да и снова пошел учиться. И не куда-нибудь, а в духовную семинарию, словно желая соответствовать своей фамилии. Полгода обретался там, за все это время не выпив ни стакана пива, не выкурив ни сигареты – чем как-то и похвастался своему духовнику... И случилась с Монаховым история, без пересказа которой теперь не обходилась ни одна пьянка в отделении. Духовник поволок будущего сотрудника полиции к себе домой. Там усадил за стол, положил перед ним пачку сигарет, поставил бутылку водки, стопку и спросил: «Что губит род человеческий»? «Да вот эта вот гадость и губит», – простодушно ответил Монахов. «Врешь, сукин сын! – вскричал тогда духовник. – Гордыня! Гордыня губит человека, низвергая его к диаволу! Говоря мне, что полгода не курил и не пил, не гордился ли ты собой? Гордился! А значит, наливай и пей! И закуривай! Ибо должен ты победить гордыню свою!»

Честно говоря, Переверзев в правдивость этой истории не очень-то и верил, так как трепачом Монахов слыл первостатейным. Не подвергал прапорщик сомнению только то, что с того памятного разговора с духовником Леха не устал бороться с гордыней, пока его не вышибли из семинарии за «прегрешения, несовместимые с ношением духовного сана». Очутившись за воротами семинарии, Монахов малость подзавязал, а потом подался в полицию... то есть, тогда еще – милицию. И снова каким-то непостижимым образом оказался для тех, кто ведал кадрами, предпочтительнее прочих кандидатов. И переаттестацию пережил спокойно. Более того, в ту эпоху всеобщего милицейско-полицейского волнения биография Монахова пополнилась еще одним славным эпизодом – это именно он, Леха, после вечерних осторожных посиделок бегал по коридорам отделения с эпичным воплем: «Караул, братцы, в меня вселилась бутылка водки!»

Злило Переверзева, что Монахов играючи открывал себе двери в будущее, а потом так же играючи их и захлопывал. Казалось, возжелает Леха избратся в президенты Российской Федерации – и изберется, не особо при этом напрягаясь. А, поцарствовав недельку, плюнет, скажет свое вечное «надоело» и побредет за кремлевские ворота с ленивой мыслью – куда бы еще податься? А еще злило, что Леха, несмотря на замаячивший уже невдалеке тридцатник, до сих пор не обзавелся семьей. То есть, трижды уже обзаводился и трижды оставлял очередную избранницу, да еще и с новорожденным дитем. И ведь треплется об этом встречному-поперечному, да как треплется – хвалится, героем себя расписывает! Вот чего Николай Степанович никак не мог понять, впихнуть в свою голову. Ведь это горе великое, когда семья распадается и дети остаются без отца, это как жизнь пополам разламывается. Для нормальных людей. А для Лехи – все равно что в другой автобус пересестись...

И главное, что вызывало у Переверзева раздражение – отношение окружающих к сержанту Монахову. Его любили, Леху. Как любят второстепенного юмористического персонажа какого-нибудь привычного телесериала. Дня не проходило, чтобы кто-нибудь в процессе первого утреннего перекура не спросил в курилке отделения: «Слыхали, что Монах вчера учудил?...» И жены, Лехой оставленные, нисколько на него не обижались, навещали даже! Каждая в свой, отведенный для нее день. График их посещений Леха на всеобщее обозрение вывесил в дежурке...

– Мистика прямо! – снова громко высказался Монахов, прервав ход мыслей Переверзева. – Никого на улице. Повымерли, что ли, все? Вот каждое дежурство бы так. Да, басурманин?

– Да, – податливо отозвался Ибрагимов.

– А если нет никого, чего тогда зря бензин жечь? Сесть бы сейчас где-нибудь на скамеечке с пивком. Да?

– Да, – подтвердил Ибрагимов.

– Только и знаешь, что «дакать», – невсерьез рассердился Леха. – Нет бы разговор поддержать. Чурка ты с глазами... Сдохнешь тут с вами от скуки к хренам собачьим!

Леха Монахов был, наверное, единственным в отделении, кто мог себе позволить именовать сержанта ППСП Алишера Ибрагимова «басурманином» и «чуркой». Другие с Ибрагимовым общались уважительно и аккуратно, даже старшие по званию. Вернее, старшие по званию – особенно аккуратно. Дело в том, что Алишер был, что называется, «племянником своего дяди». Дядя этот занимал немалый пост в системе областного ГУИН и юных родственников мужеского пола имел столько, что при желании мог укомплектовать ими небольшой поселок городского типа. Верный национальной традиции, дядя принимал в судьбе каждого прибывшего в Саратов члена своей многочисленной семьи самое душевное участие. Очевидно, не без основания полагая, что ему не помешают свои люди на руководящих должностях в различных сферах деятельности. Алишеру было уготовано правовое поприще. Ни для кого в отделении не было секретом, что патрулировать улицы он будет недолго – до следующего лета. И как только вузы распахнут свои двери для абитуриентов, сержант Ибрагимов подаст документы в юридический.

«И поступит, куда он денется... – угрюмо рассуждал Николай Степанович, досасывая сигарету. – Еще бы ему не поступить... А годков через десять станет... прокурором каким-нибудь... Судить нас будет...»

– Не, Степаныч, с тобой точно что-то не то! – перекинулся опять на прапорщика Леха. – Молчишь, будто про нас хрень какую думаешь...

Переверзев внутренне усмехнулся. Надо же, угадал, пес рыжий! И почувствовал прапорщик что-то вроде легкого укола стыда. Чего он в самом деле? Монахов, конечно, балбес, но безвредный, мало ли таких... А прощается ему многое, потому что он с легкостью творит те беспутства и безобразия, которые другие, может, и рады были бы повторить, но не могут себе позволить, ибо – есть что терять. Его, Леху, на самом-то деле пожалеть надо. А Ибрагимов – тот и вовсе парнишка старательный, тихий, воспитанный. Ни табаком, ни водярой проклятой не балуется, не матерится, ко всем, даже к одуревшим от водки и наркоты задержанным, обращается на «вы». А то что взлетит вскоре к самым верхам, заняв место кого-то, возможно, более талантливого и упорного, что ж... Жизнь такая. Ну разве виноваты парни, что на душе у Николая Степановича сейчас такая муть, что выть хочется?

– Степаны-ыч! – назойливо протянул Леха. – Покайся, раб Божий. Внемли словам моим, брат во скорбях и горестях земных! Колись, короче, Степаныч, чего там у тебя? Облегчись, е-мое!

Прапорщик вздохнул. Стрельнул дотлевающей до фильтра сигаретой в приоткрытое окно. Да чего тут долго говорить? Навалилось все сразу... Жена, Тамарка, перевозбудившись от слухов, что полицейским вот-вот начнут поднимать зарплату, да еще едва ли не второе, взяла в кредит новые холодильник и плиту. Хоть бы посоветовалась, дура! Нет, говорит, сюрприз сделать хотела. А это значит, что ремонт для старенькой «девятки» Переверзева накрылся прочно и надолго. На год, по крайней мере. А за год машина, и так уже на ладан дышащая, точно в гараже сгниет. Только-только с «сюрпризом» улеглось – Ленка, дочь, преподнесла подарок. Два вечера подряд шепталась с матерью, а вчера вот объявила: «Станешь скоро ты, папочка, дедушкой, так уж вышло». Оно бы, конечно, и неплохо, но вот отец этого самого будущего внука... как говорится, пожелал остаться неизвестным. Ничего на эту новость Николай Степанович не сказал. Спустился в круглосуточную «наливайку» и наклюкался там в одиночестве. А утром выяснилось, что, возвращаясь домой «на развезях», он посеял где-то свой мобильник... А там и Тамарка попала под горячую руку, и Ленка.

Наорал на них с утра пораньше... Ну, как вот сейчас это все парням вывалить? Ибрагимов-то, конечно, из вежливости посочувствует, а Монахов точно на смех подымет.

– Телефон потерял, – буркнул он в ответ на очередной призыв настырного Леха поделиться проблемами.

– Хо?! – удивился сержант Монахов. – Всего-навсего? Да у меня их столько перебывало, на целый салон связи хватит. Хочешь, Степаныч, я тебе завтра подгоню по дешевке?... А, вообще, нужно делать, как одна моя подруга. Она, короче, купила себе реальный такой «айпад», и на контакт «Папа» поставила фотку нашего начальника криминальной полиции в форме. На контакт «Дядя» – фотку районного прокурора, тоже в форме. А на контакт «Брат» – фотку здорового омоновца, при всем параде, естественно. Так у нее этот «айпад» три раза воровали. И три раза обратно подбрасывали. Во как!

«Бобик», пытаясь, проплыл мимо пустой автобусной остановки и свернул к аллее, называемой окрестными жителями района «Пьяной». Излишне говорить, что аллея эта пользовалась дурной славой, более того, она имела репутацию самой настоящей аномальной зоны. Действительно, почему именно это место – узкий, редко обсаженный деревцами тротуар, зажатый двумя автомобильными трассами – облюбовали местные алкаши, наркоманы и гопники? Пьяная аллея свободно просматривалась со всех сторон, и граждане, имеющие намерение спокойно выпить, украдкой ширнуться или почистить карманы зазевавшегося лоха, без труда могли воплотить греховные свои желания в жизнь где-нибудь в более укромном месте... Но почему-то предпочитали все-таки Пьяную аллею, окутанную серыми облаками выхлопных газов автомобилей, проносящихся туда-сюда совсем рядом. Наверное, и вправду каждому, кем бы он ни был, важно ощущать себя в центре кипучей жизни...

Всякий раз, когда старшему прапорщику Переверзеву случалось оказываться поблизости от Пьяной аллеи, у него сами собой сходились на переносице косматые брови. В здешних краях Николай Степанович в свое время служил участковым.

– Ты смотри! – поразился Монахов, сбросив скорость настолько, что «бобик» пополз вдоль Пьяной аллеи совсем по-черепашьи. – И здесь никого! Точно что-то неладное этой ночью творится. Ой, что-то будет – помяните мое слово, мужики!

И словно в ответ на это заявление откуда-то из темной полоски аллеи, от сутуло торчащих безглазых фонарей, от обглоданных автомобильными выхлопами деревьев, от перевернутых урн и остовов скамеек – полетел в ночное небо истошный, какой-то звериный крик. Прапорщик Переверзев встрепенулся. Сержант Ибрагимов вытянул шею.

– Началось в колхозе утро! – с непонятным удовлетворением констатировал Леха Монахов.

Он утопил педаль газа в пол, одновременно вывернув руль. «Бобик», взревев, перевалялся через бордюр, вильнул, чтобы проехать между фонарным столбом и деревом, и выкатился на аллею. Свет фар упал на выщербленный асфальт, усеянный окурками, лузгой подсолнечника, битым стеклом и жестяными лепешками раздавленных пивных банок.

– Вон! Вон! – закричал Алишер Ибрагимов, подскочив на сиденье.

– Чума! – хохотнул Леха, тоже увидев то, что заметил коллега.

– Твою мать... – отреагировал в свою очередь и Николай Степанович.

«Бобик», прокатившись еще несколько метров, резко затормозил.

В свете фар посреди аллеи стоял совершенно голый и основательно вымазанный в земле человек. Мужчина. То есть... парень лет шестнадцати-семнадцати. Парень этот не предпринимал попыток убежать или хотя бы прикрыться. Он просто стоял, чуть щурясь от яркого света.

– Чего орем, гражданам спать мешаем?! – весело выкрикнул Монахов, высунувшись по плечи из открытого окна.

Парень посмотрел на него, но ничего не ответил.

– Пойдем, Алишер, – сказал Переверзев и, подхватив автомат, первым выскочил из служебного автомобиля. – В чем дело? – строго спросил он, приближаясь к парню.

Тот снова промолчал. Но когда расстояние между ним и прапорщиком сократилось до трех-четырех шагов, парень вдруг проделал странную вещь. Он приложил правую ладонь к сердцу, отвел левую ногу назад и, чуть согнувшись в пояснице, медленно и отчетливо кивнул. Причем, кивнул, немного повернув голову; так, что на мгновение коснулся подбородком левой ключицы. Поклонился он, что ли? И потом довольно громко и, как показалось Николаю Степановичу, излишне отчетливо проговорил:

– Будь достоин.

– Чего? – не понял Переверзев.

– Во дает! – восторженно взвизгнул Леха с водительского сиденья.

* * *

«Не похож на пьяного, – мелькнуло в голове старшего прапорщика Переверзева, – обдолбанный, скорее... Или в шоке...»

Он не успел додумать эту мысль до конца. Чуть поодаль, в темноте, за скамейкой, на которой уцелела только одна продольная рейка, шевельнулось нечто, что Николай Степанович поначалу принял за опрокинутую набок урну. В тот же миг на другой стороне Пьяной аллеи словно из-под земли опять взметнулся хриплый воющий крик. В этом крике не было ничего угрожающего, зато явственно слышались боль и страх. Поэтому, дернув стволом автомата в направлении, откуда кричали, прапорщик коротко скомандовал: «Алишер, проверь!», а сам кинулся за покалеченную скамейку. Голый парень остался один в свете фар «бобика». Но ненадолго.

Сержант и старший прапорщик вынырнули из темени почти одновременно. Переверзев, придерживая автомат одной рукой, другой волок за шиворот отчаянно упиравшегося коротко стриженного детину лет двадцати-двадцати двух в майке-сеточке и широких белых шортах, испакощенных какой-то гадостью. Ибрагимов вел, поддерживая под локоток, долговязого парня примерно того же возраста, в застиранном спортивном костюме. Долговязый, опираясь на сержанта, подволакивал негнущуюся ногу и жалобно выл. Как только Ибрагимов отпустил его, долговязый перекосил небритую мосластую харю, шлепнулся на зад, обхватил обеими руками явно поврежденную нижнюю конечность и принялся громко стонать, закатывая глаза.

Втащив детину в шортах на свет, Переверзев двинул ему стволом автомата по ребрам, рывкнув:

– Стой ровно!

Детина коротко ойкнул и полуприсел, закрыв голову руками – словно не сомневался в том, что за первым ударом немедленно последует второй. А Николай Степанович вдруг прищурился и крепко уцепил его за подбородок, заставив поднять лицо.

– Р-руки опусти!

Детина поспешно повиновался.

– Крачанов, – проговорил прапорщик несколько удивленно. – Вячеслав Тихонович. Тебя и не узнать. Вон какой вымахал. Я уж думал, больше мы с тобой не встретимся. Давненько не виделись.

Вячеслав Тихонович Крачанов, более известный как Славик Карачун, глянул на Переверзева исподлобья. Над левой бровью Славика красовалась свежая фиолетовая шишка.

– Язык отнялся? – строго осведомился прапорщик.

– Так меня... Николай Степанович... – забубнил Карачун, – месяц назад только по УДО отпустили...

– Достукался все-таки, придурок, – цокнул языком Переверзев, – сел. Верно говорят, таким, как ты, хоть кол на голове теши. Сколько раз я тебе предупреждал, помнишь?

– Да я... Николай Степаныч...

– Зачем пацана раздели, уроды?

Тут Карачун выпрямился и затараторил сбивчивой скороговоркой:

– Не было такого, Николай Степаныч! Мы его и пальцем не тронули! Мы с пацанами вот тут сидели, курили... А он – как набросится на нас, гнида паскудная!..

– С пацанами? – тут же уцепился за слова Карачуна Переверзев и кивнул на стонущего долговязого. – Из этого твоего дружка можно, конечно, двух поменьше выпилить, но он пока что в единственном числе. Кто еще с тобой был?

Славик досадливо поморщился.

– Давай, давай, – подбодрил его Николай Степанович. – Сам проговорился, чего теперь вертухаться? Я тебя за язык не тянул. Кто с вами еще был?

– Ну... Ну, Серега Бармалей еще...

– Где он?

– Убег, Николай Степаныч! – Славик вытаращил глаза, видимо, стремясь отобразить на лице искреннее возмущение. – Этот псих нас гвоздить стал, а Бармалей, скотина, тут же на лыжи встал. Разве так делают?

Переверзев перевел взгляд на голого. Тот смотрел на прапорщика спокойно. И молчал.

– Крачанов, – снова обратился к Карачуну Николай Степанович, – ты же Крачанов, а не Андерсен. Что ты мне здесь сказки рассказываешь? Ты что, не понял еще, что на новый срок себе заработал? Тем более, говоришь, условно-досрочно тебя освободили. Вот и загремишь по полной программе, с плюсиками. В твоих интересах не запирайтесь сейчас, а рассказывать правду и только правду.

Славик молитвенно сложил руки и несколько раз притопнул:

– Да я и так правду рассказываю! Ей-богу! Вот век воли не видать! Чтоб я сдох! Гадом буду!.. – он бы, наверное, продолжал сыпать клятвами и дальше, но тут из «бобика» раздался насмешливый голос Монахова:

– Чего ты насел на него, Степаныч? Дай ему конфетку, а этого голожопого гаврика вяжи! Неужто не видишь, кто тут терпила, а кто преступник?

Переверзев даже не обернулся к Лехе. Он работал. От былой его мрачной неразговорчивости не осталось и следа.

– Крачанов, потерпевший – вот он, перед тобой стоит, – продолжал он, удивляясь, между тем, что голый даже и не пытается прояснить ситуацию. – Какой смысл тебе отмазываться?

– Да не этот он... не потерпевший! – выкрикнул Славик, с ненавистью косясь на голого. – Говорю же, сидели, курили, никого не трогали, базарили между собой. А он, сука, выскочил откуда-то, не пойми откуда, и начал нам люлей раскидывать! Спортсмен хренов! Одному – на! Второму – на! Третьему – на! Четвертому... – Карачун осекся и втянул голову в плечи.

– Четвертый, товарищ прапорщик, сказал, – обратил внимание Переверзева добросовестный Ибрагимов.

– Слышу, – усмехнулся Николай Степанович. – Так вас четверо было, Крачанов? Один утек, вы двое здесь, где еще один? Только не начинай снова лепить мне, что вы – четверо здоровых лбов – огребли от парнишки. И одежда его где? Он сам, что ли, себя раздел?

– Да он и был голый! Я ж говорю, псих. Извращенец какой-то, без трусов по аллее бегаёт!

– Где четвертый, Крачанов?! – заревел прапорщик так грозно, что Славик вздрогнул и потухшим голосом сообщил:

– Да вон там... ну, за столбом. Саня Тузик. Этот маньяк ему башку, похоже, проломил.

– Алишер, проверь, – скомандовал Переверзев. – Твоя дылда одноногая никуда не денется... Ну, ты, упырь! – пихнул он ногой долговязого. – Хорошо симулировать!

Сержант Ибрагимов побежал туда, куда указывал Крачанов. А Николай Степанович решил, что пришло время поговорить с потерпевшим.

– Тебя как зовут-то? – смягчив голос, спросил он.

– А ну, присядь, раздвинь ягодицы и предъяви документы! – дурашливо строгим голосом присовокупил Монахов.

Голый и не посмотрел на него.

– Да ты не бойся, все уже... Все кончилось, – сказал Переверзев. – Эти гоблины тебя больше не тронут.

По лицу голого и не было заметно, что он боялся. К тому же Николай Степанович сейчас только разглядел, что парень, хоть был перепачкан с ног до головы, но повреждений на теле, вроде бы, никаких не имел. В отличие от Славика Карачуна и его кореша.

– Вперво имею нужду сообщить, – произнес парень, – что не обладаю правом говорить с вами, господин полицейский. До того времени, покуда вы не изволите доставить меня к Предводителю.

Голый как-то странно говорил. Тщательно чеканил каждый слог. Старательно подчеркивал интонацией ключевые слова. Будто стремился к тому, чтобы ни частицы выданной им информации не ускользнуло от внимания собеседника. И это настолько не походило на обычную манеру разговора, что в голову Переверзева тотчас толкнулась мысль: «Иностранец, что ли?»

– Чума-а! – выдохнул Монахов.

– Я ж говорил, что он псих! – обрадовался Славик Карачун.

А Николай Степанович кашлянул и спросил:

– Ты кто вообще такой?

– Я есть урожденный дворянин, – сказал голый с таким видом, что эти его слова немедленно все объяснят.

Переверзев во все глаза уставился на голого.

Обычный парень. Невысокий, крепко сбитый. Смугловат. Темные волосы пострижены аккуратно и коротко. «Татуировок и шрамов не имеет», – машинально отметил еще прапорщик. Да не похож он на сумасшедшего! Взгляд ясный и серьезный. Стоит прямо. Ничего такого, за что можно было зацепиться взглядом – парень и парень. Но почему-то чем-то... чужим, чем-то нездешним от него веет.

Тут вернулся сержант Ибрагимов. Тот, кого он вел – коренастый молодой мужик лет уже под тридцать с густо татуированными плечами, в черной майке-«алкоголичке» и потертых джинсах, – ступал нетвердо, снуло мотал головой и имел вид только что проснувшегося с тяжчайшего похмелья. Не дойдя нескольких шагов до четверых стоящих у «бобика», он вдруг шатнулся в сторону и присел на корточки, а потом его вырвало.

– Видали, как его этот чумовой уделал? – воскликнул Славик. – Саня, ты как, братан?

Вместо ответа мужик выдал еще один мучительно надрывный «залп».

– В «скорую» звонить надо, товарищ прапорщик? – предположил Алишер. – Очень плохо у него...

Голый парень вдруг тронулся с места – так неожиданно, что Николай Степанович не успел его остановить, и подошел к Тузику, покачивающемуся на корточках над лужей собственной блевотины.

– Э! Э! – предостерегающе завел было Алишер.

– Уберите его от Саньки! – взвещал и Карачун. – Вы ж менты, вы че? Куда смотрите?!

Но и Алишер сделать тоже ничего не успел. Голый, склонившись над страдающим мужиком, запрокинул ему голову, после чего указательным и большим пальцами поочередно надавил куда-то под глазами. Тот крикнул и обмяк. Уложив Тузика на асфальт, парень развернулся к Переверзеву.

– Сюминут у него необходимость спать, – сказал парень, – и убереженным быть от всякого беспокойства.

– Ты врач, что ли? – проговорил Николай Степанович, тут же сообразив, что в силу возраста парень практикующим медиком точно быть не может.

– Сюминут... – хихикнул Монахов. – Это что – сию минуту, что ли?

И тогда в голове старшего прапорщика что-то щелкнуло. Странная речь... Манера четко проговаривать каждый звук в высказывании – это не акцент ли какой?.. И держится как-то не по-нашему. И, наконец, познания в медицине...

Да это ж иностранный студент из этого... СГМУ. То бишь, Саратовского государственного медицинского университета.

По роду своей деятельности Николай Степанович терпеть не мог всего мутного, не поддающегося объяснению. И теперь Переверзев даже вздохнул от облегчения, как вздыхает всякий человек, только что разгадавший трудную загадку.

Действительно, среди представителей среднего класса всяких Марокко, Алжиров, Индий и Танзаний находилось немало охотников отправить своих отпрысков учиться медицинским премудростям именно в Россию; в Москву, Питер, Волгоград и прочие города, где при медуниверситетах функционировали иностранные отделения. Тому имелось, по меньшей мере, три весомых причины. Во-первых, плата за обучение в России в десятки раз ниже, чем в гораздо более престижных США, Германии или Англии. Во-вторых, практика. Одно дело приноровиться щелкать кнопки на хитрых аппаратах и пичкать пациентов эффективными, но жутко дорогостоящими медикаментами, и совсем другое – уметь невооруженным глазом определить причину недуга и назначить лечение, что называется, подручными средствами. Ну и, в-третьих, что бы там не говорили высоколобые европейцы или узколобые американцы, но базовые знания российские медицинские вузы давали основательные. Иностранцам, получившим образование в России, нужно было только подтвердить на родине свою компетентность, сдав экзамены по соответствующим дисциплинам, и получить лицензию, дававшую право на практику по всему миру. Лицензия же Минздрава РФ, естественно, нигде, кроме самой РФ, не котирировалась.

Правда, не всем иностранным студентам удавалось успешно закончить российские вузы. И дело тут было вовсе не в языковом барьере (для преодоления коего существовали подготовительные отделения, где иностранцев на протяжении полугода обучали русскому языку по особой программе). Дело было в том, что чужеземные недоросли, вырвавшиеся за пределы родных государств, в большинстве которых алкоголь и прочие греховные радости либо находились под запретом, либо стоили бешеных денег, пускались, как говорится, во все тяжкие. Получая ежемесячно от родителей на карманные расходы суммы, которых любому российскому студенту хватило бы на год безбедной жизни, ребята быстро становились знаатоками и завсегдатаями местных ночных клубов, баров, кафе и ресторанов. К культуре питания юные иностранцы приучены не были, вследствие чего частенько упивались до соплей и становились жертвами обмана, а также и обыкновенного разбоя со стороны таксистов, сотрудников увеселительных заведений да и просто гопников. А бывало – и не так уж и редко – сами будущие медики куролесили так, что попадали в полицию уже не в качестве потерпевших, а в качестве нарушителей общественного порядка. В общем, сотрудникам отдела полиции Октябрьского района (на территории этого района располагались общежития иностранных студентов) скучать не приходилось.

«Эк, его занесло-то, – подумал в тот момент старший прапорщик Переверзев, – наверное, к девке какой поперся. И нарвался на свою голову... А, главное, на русского как похож! Если б рта не раскрыл, не отличить... Дворянин, говорит... А, может, и правда – какой-нибудь принц, десятый сын двенадцатой жены. У папашки бабла не хватило отправить постигать науки туда, куда и старших братьев отправил...»

– Так как дело-то было? – снова спросил Николай Степанович у голого.

Тот покачал головой, упрямо поджав губы.

Переверзев нахмурился:

– Ты это... брось дурить! Тут тебе не твое Лимпопо! Дворянин!.. На родине на своей выкобениваться будешь!..

Говоря это, прапорщик глядел прямо в глаза голому парню. И заметил, что эти его слова будто бы... задели парня. Голый словно что-то хотел спросить... но снова промолчал.

– Одежда где его? – спросил прапорщик у Славика.

– Я ж говорю вам, Николай Степаныч, не было никакой одежды!

– Крачанов, не доводи меня!

– Не было одежды, Николай Степаныч!

– Алишер, проверь, – сказал Переверзев. – Фонарик возьми в бардачке...

Поиск одежды голого не принес никаких результатов.

– Который убег, он унес, – предположил вернувшийся сержант Ибрагимов.

Это было похоже на правду.

– Ладно, – сказал Переверзев Алишеру. – Поехали в отдел, там разберемся. Этих троих назад, терпилу – между собой посадите.

– Степаныч! – запротестовал Леха Монахов. – Я с голым мужиком в одной машине не поеду!

Николай Степанович махнул в его сторону рукой, что, вероятно, должно было означать: «Хватит болтать!», и подтолкнул Славика Карачуна к «бобику».

– Да Николай Степаныч... – загундосил Славик. – Чего разбираться-то?.. И так же все ясно...

– Конечно, ясно, – подтвердил Переверзев. – Банальный гоп-стоп.

* * *

Через час Переверзев курил с дежурным сержантом Комлевым во дворе отделения, у крыльца.

– Н-да... – промышчал Комлев, мусоля в пальцах сигарету. – Не получается гоп-стоп-то, а, Степаныч? Преступники есть, потерпевший есть, а дела нет. Эти охламоны в три горла орут, что это пацан их уработал. А пацан молчит, как партизан на допросе у полица... Тьфу ты! Только предводителя какого-то требует.

– Врут они, – сказал Переверзев. – Непонятно, что ли? Крачанов вообще на условном... Думаешь, ему охота обратно на зону?

– Может, врут. А, может, и не врут. Только – если терпила рот не раскроет – они так и соскочат. Неужто они так его запугали-то? Чего он молчит? Хрень какую-то плетет...

– Да не их, наверно, он боится, – проговорил прапорщик. – Он начальство свое университетское боится. Чтoб папашке не сообщили. Надо в деканат ихний звонить, пусть сами разбираются.

– Чего? – поднял брови Комлев. – Какой деканат?

– Ну как? – в свою очередь удивился Переверзев. – Он же этот... иностранный студент, да? Из медуниверситета. Слышал, с каким акцентом говорит?

Комлев pokrутил головой и хихикнул.

– Степаныч, а ты вообще иностранцев-то тех видел? – спросил он.

– Издалека...

– А сам с ними лично общался хоть раз?

– Ну... – пробормотал Николай Степанович, – ни разу. Постой, ты хочешь сказать, этот голожопый русский, что ли?

– А с чего ты взял, что он нерусский?

Старший прапорщик промолчал.

– Вообще-то, да, – вдруг сказал Комлев. – Есть в нем что-то эдакое... ненашенское. Говорит-то чисто, но как-то... не так. Вроде как по-старинному, что ли... Ну уж не иностранный студент – это точно! Надо же было такое придумать!..

Он посмотрел на часы и подытожил:

– Лучше так сделать, Степаныч: ты его доставил, я его принял. Оформлять пока не будем. Пусть опера разбираются, кто он таков и почему молчит, это их хлеб. Терпила до утра посидит в обезьяннике, подумает. Может, утром сам все расскажет. Что, на самом-то деле, нам голову ломать? Мы люди маленькие, так ведь?

Переверзев кивнул – Комлев говорил дело.

– А гопоту разогнать из отделения, – согласился прапорщик. – Оформим им распитие в общественном месте. Их-то личности секрета не представляют. В случае чего, найдем. Ну... и все. На маршрут пора.

Он оглянулся на «бобик», рядом с которым со скучающим видом прогуливался Алишер.

– Монах к Нинке опять прилип, – сообщил Комлев, указав на открытое окно медпункта, откуда слышалось глупое хихиканье медсестрички Нины и всплески хохота Лехи.

Николай Степанович свистнул. В окно выглянула рыжая косматая голова.

– Заканчивай веселье, – строго проговорил прапорщик. – Поехали.

* * *

Смена Переверзева закончилась в половину четвертого ночи. Домой он всегда ходил пешком, благо путь занимал около двадцати минут.

Хотя солнце еще не взошло, темнота быстро таяла на пустынных улицах. Дома выступали из полумрака будто освеженными, как после дождя. И с каждой минутой все громче и громче становилось щебетание невидимых птиц – словно в древесных кронах просыпались спрятанные там крохотные звонкие колокольчики. Когда Николай Степанович был моложе, он очень любил раннее утро; если ему случалось в такие часы оказаться на улице, в голове его сами собой рождались мысли о том, что жизнь-то... впереди еще длинная, и еще не поздно ее изменить к лучшему. Так было раньше. Последние несколько лет подобные думы Переверзева не беспокоили.

У подвального магазинчика с емким названием «24 часа» пыхтела грузовая «газель». Парень с мутным сонным лицом толкал в полуоткрытую дверь магазинчика деревянный поддон с хлебом. Поддон не пролезал. Снабженную тугой пружиной дверь всего-то надо было поддеть ногой, открыв пошире, но парень почему-то и не пытался этого сделать. Он упрямо таранил дверь поддоном, буханки подпрыгивали, грозя в любую секунду посыпаться на землю.

Николай Степанович спустился на несколько ступеней, протянул руку над головой парня, открыв ему дверь. Тот хрипло буркнул что-то, что могло сойти за благодарность. Николай Степанович вошел следом за ним.

Дождаясь, пока продавщица примет товар, Переверзев остановился у одного из высоких одноногих столиков – в магазинчике, помимо всего прочего, торговали пивом и водкой

на розлив. Продавщица не спешила, и Николай Степанович, опершись локтями на столик, даже пару раз успел на несколько мгновений провалиться в дрему.

Он купил хлеб, десяток яиц, пачку сосисок и две бутылки пива. Поколебавшись немного, одну попросил откупорить – и вернулся с ней за столик.

Домой не хотелось. Вернее, хотелось домой – но только чтобы никого там не было. Ни Тamarки, которая после вчерашнего скандала будет ходить мрачнее тучи, ни Ленки, которая, конечно, закроется в своей комнате и врубит музыку. Прийти бы, поджарить яичницу с сосисками, позавтракать и завалиться на диван. Включить телевизор и под его лопотанье медленно засыпать...

Переверзев выпил обе бутылки, посматривая на часы. Когда пиво закончилось, было всего без четверти пять. Николай Степанович взял еще пару бутылок. Подумал... и погрузил их в пластиковый одноразовый пакет. Что ж теперь, сидеть здесь до половины девятого, когда жена и дочь уйдут из квартиры – одна на работу, другая в институт, на занятия по летней практике?

Он вышел из магазина, закурил на ступеньках. Поднимаясь, сощурился – в глаза бил яркий свет ослепительно-желтого солнца. День обещал быть жарким, и Николай Степанович порадовался тому, что время до обеда проведет на диване, в комнате с опущенными шторами. Прапорщику оставалось пройти один квартал и свернуть во двор собственного дома.

Ни прохожих на тротуарах, ни автомобилей на проезжей части еще не было. Хотя... проморгавшись, Переверзев увидел, что впереди, шагах в двадцати, идет девушка... Идет неуверенно, сильно сгибая ноги при каждом шаге, несуразно взмахивая руками в попытках удержать равновесие... Легкое облако обесцвеченных волос колыхалось из стороны в сторону в такт шагам.

«Шалава... – устало и беззлобно подумал Николай Степанович. – Явится сейчас домой... тоже кому-то сюрприз будет...»

Позади Переверзева родился и окреп мощный рокот. Прапорщик невольно оглянулся. По пустой дороге на бешеной скорости летел громадный черный автомобиль, сверкая на солнце необычно широкой радиаторной решеткой. Николай Степанович был старым автолюбителем и разбирался в машинах, но марку этого автомобиля так вот с ходу определить не смог.

Черная громадина пронеслась мимо Переверзева, но на первом же перекрестке резко, с визгом, затормозила. И сдала назад.

В животе прапорщика заворочался колючий комок. Он сразу понял, что сейчас произойдет. Поморщившись, ругнул себя за то, что его угораздило выпереться из магазина вот именно сейчас. Не пил бы это проклятое пиво, был бы уже дома...

Автомобиль остановился рядом с девушкой. Дверца со стороны водительского сиденья распахнулась, на тротуар шагнул рослый широкоплечий мужчина в черном костюме и белой рубашке, расстегнутой до середины груди. Мужчина с удовольствием потянулся, подняв лицо к небу и раскинув руки, а потом легко нагнал ускорившую шаг девушку и схватил ее за локоть. Не похоже было, чтобы он что-нибудь говорил. Он просто подтащил девушку к машине, открыл дверцу пассажирского сиденья...

Девушка, завизжав, сильно подалась назад. Вываться ей удалось, но при этом она брякнулась на задницу. Нелепо раскинув ноги, снова завизжала – пронзительно, противно, без слов. Мужчина подождал, пока она перевернется, встанет на четвереньки, чтобы подняться... Наклонился и взял ее за волосы – прочно захватил, намотав пряди на кулак.

До черного автомобиля оставалось меньше десяти шагов. Теперь Переверзев мог рассмотреть лицо девушки... Да какой там девушки! Этой соплячке было лет пятнадцать, не больше. Неумело и щедро наложенный макияж не делал ее старше, наоборот, демонстриро-

вал глупое детское желание выглядеть точно так, как более зрелые дуры на телеэкранах и страницах журналов.

Мужчине на вид было лет двадцать пять. В его лице, хорошо выбритом, по-юношески свежем, не было ничего зверского или жестокого. Николай Степанович отметил, что он даже довольно красив, этот молодой человек – красотой редкой, тонкой, что называется, породистой. Бросалась в глаза аккуратная, идеально посередине подбородка ямочка – такая аккуратная, что можно было подумать, будто молодой человек не родился с ней, а приобрел позже, стараниями пластических хирургов. «Как артист какой-то прямо... Бабам такие нравятся», – мелькнула в голове Переверзева мысль.

– Эй! – крикнул Николай Степанович строгим, «рабочим» голосом. – Что здесь происходит?

Молодой человек не ответил. Мельком оглянувшись на старшего прапорщика, нисколько не ускорил движения и вообще никак не показал, что принял к сведению окрик. Без усилий поднял девицу за волосы и подтолкнул ее к открытой дверце. А вот девица, увидев Переверзева, заверещала еще громче:

– Милиция! Помогите, милиция!

«Какая тебе еще милиция...» – зло подумал Николай Степанович. А вслух сказал, немного замедлив шаги:

– Я к вам обращаюсь, мужчина! Прекратить!

Молодой человек глянул на Переверзева, задержав на его лице взгляд немного дольше, чем в прошлый раз. И тут же, пригнув голову девушке, сильно пихнул ее в машину. Но девушка растопырила руки, сумев уцепиться за проем двери.

– Милиция! – вопила она так истошно, что у Николая Степановича вибрировали барабанные перепонки. – Помогите же, милиция!

Из автомобиля выскочил еще один парень – худощавый, чернявый, горбоносый.

– Стой-стой-стой, командир! – заторопился он, выговаривая слова с едва заметным кавказским акцентом. – Все нормально! Это сеструха его, понимаешь? Искали ее, командир, всю ночь, а она бухала где-то. Дома семья волнуется, командир!

Николай Степанович остановился. У него малость отлегло от сердца. Как и все нормальные люди, от перспективы стычки с двумя молодыми и здоровыми мужиками он в восторге не был.

– Документы покажите! – голосом уже менее строгим потребовал он.

– Какие документы? – развел руками чернявый. – Мы же не в сберкассе собрались, правильно?

Он вплотную приблизился к прапорщику, с обычной южной фамильярностью приобнял его, оттирая от автомобиля. И, видимо, почуяв запах пива, заговорил уже более настойчиво, с наглинкой:

– Ты ж не при исполнении, командир, зачем волну поднимать? Говорят тебе, все нормально. Ты бы шел, куда шел, а мы тоже по своим делам поедем. Спешим, тем более... Понял, что ли, командир?

– Сейчас вызову наряд, а, если успеете уехать, сообщу номера автомобиля, куда следует...

– Вызывай, командир, вызывай. Сообщай, что хочешь и куда хочешь. А нам некогда, понял, нет?..

Переверзев сбросил руку чернявого с плеча. Молодой человек в костюме уже затолкал хрипло визжащую малолетнюю дуру в машину и наполовину влез в салон сам... Автомобиль два раза сильно качнуло... И визг прервался. Николай Степанович отступил от чернявого, оттолкнул его.

– Вы уж совсем оборзели, парни... – выдохнул он.

Чернявый, кажется, и сам не ожидал от товарища подобных действий. Он на какое-то время растерялся. А молодой человек в костюме выбрался наружу, захлопнул дверцу, одернул пиджак и, не удостоив прапорщика взглядом, буркнул:

– Поехали, Артур.

Кавказец Артур побежал садиться.

В голове Николая Степановича мелькнула мысль о том, что если сейчас промедлить всего несколько секунд, то эта нарядно поблескивающая черная громадина укатит, оставив его одного на пустой улице. В конце концов, он же не прошел мимо, как поступили бы на его месте многие... Он ведь подошел, затеял разбирательство, хотя мог бы и не делать этого, поскольку рабочий день его давно уже закончен. Можно сказать даже, он разобрался... Вполне вероятно, что загулявшая девица и впрямь сестра этого... в костюме...

Но... Николай Степанович был в форме.

Для балбеса Монахова и юнца Ибрагимова это обстоятельство, скорее всего, не сыграло бы в данной ситуации существенной роли. Переверзев же отработал в органах не один год. И понимание того, что форма – это не просто тряпочки, а безоговорочный знак принадлежности к особой касте, давно стало для него привычным. Человек в форме, тем более, в полицейской – всегда выше человека в гражданской одежде. И окружающие просто обязаны относиться к нему уважительно. Ни на секунду не должны забывать, что за плечами, на которых лежат погоны, – могучий и грозный механизм, называемый *государством*.

А этот молодой верзила из никогда не виданной Николаем Степановичем машины не то что не выказывал уважения... Он эту форму и самого старшего прапорщика Переверзева, помещавшегося в ней, попросту не замечал.

– А ну, стой! – рявкнул Николай Степанович и ухватил молодого человека, уже открывавшего дверцу водительского сиденья, за рукав.

Тот резко развернулся. Так резко, что Переверзев не успел догадаться о его намерениях. Сноп огненных искр взорвался в голове Николая Степановича, и прапорщик на мгновение провалился во тьму. А когда тьма выпустила его, ощутил себя лежащим на асфальте. Кряхтя, прапорщик приподнялся, еще не вполне отчетливо припоминая, что же, собственно, произошло. Правый глаз до сих пор не видел ничего, кроме каких-то пульсирующих разноцветных червячков, копошащихся в черной каше... А левым, здоровым, глазом Переверзев углядел все того же молодого человека. Он вытирал носовым платком костяшки кулака, стоя у открытой автомобильной дверцы.

О том, что делать дальше, Николай Степанович не раздумывал. Всколыхнувшаяся в груди злость подбросила его. Подбросила и потащила за собой.

Тонко тренькнули чудом не разбившиеся бутылки в пакете, ручка которого закрутилась на запястье правой руки прапорщика. Пакет взлетел вверх, как палица, описал в воздухе молниеносный полукруг и с тяжким лопающимся звоном врезался в лоб только начавшего оборачиваться к Переверзеву молодого человека.

Молодой человек повалился на тротуар.

Кровь текла по лицу Николая Степановича, кровь стучала в его голове, во всем теле, распирая его изнутри. Он подскочил к неподвижно лежащему телу с намерением добивать и добивать его, но тут выскочил из машины чернявый Артур.

– Ты что сделал? – заорал он. – Ты что сделал, гад?!

И Николай Степанович бросился к Артуру. Кавказец побежал от него вокруг машины, на ходу вереща что-то в мобильный телефон.

Переверзев, рыча, гонялся за кавказцем, но никак не мог догнать. Наверное, со стороны это выглядело забавно, но ни тому, ни другому было не до смеха.

Николай Степанович не заметил того момента, когда к месту драки подкатили еще два автомобиля. Кто-то, возникнув откуда-то сзади, с профессиональной точностью сшиб его с

ног. И сразу же тело Переверзева прочно распластали на асфальте, скрутив руки за спиной, защелкнув на них наручники, утвердив колено на шее... От боли прапорщик взревел.

Несколько минут он не соображал совершенно ничего. И ничего не слышал, кроме барабанного боя пульса, сотрясавшего слуховые нервы. И ничего не видел, кроме куска серого асфальта и фрагмента бордюра.

Потом давление на шею ослабло. В поле зрения Николая Степановича возникли безукоризненно начищенные ботинки.

– Переверзев Николай Степанович... – спокойно и размеренно выговорил кто-то, наверное, обладатель этих самых ботинок. – Та-ак... Поднимите.

Прапорщика поставили на ноги.

Перед ним стоял невысокий худощавый наголо бритый мужчина в легком светлом костюме. На вытянутом узкокостном лице мужчины поблескивали очки без оправы, и из-под стекол очков колюче смотрели внимательные водянисто-синие глаза. В руке мужчины Переверзев увидел собственное служебное удостоверение, которое узнал по отломленному кончику темно-коричневой обложки. Переверзев попытался вспомнить, когда его успели обыскать, и не смог.

У обочины тротуара стояли: серебристая «двенадцатая» и довольно сильно потерханый черный внедорожник «хонда». Рядом с внедорожником курили трое мужчин очень серьезного телосложения. Все трое одеты были просто, в майки и джинсы, но внутренним чувством прапорщик тут же определил в мужчинах *сотрудников*. Действующих или бывших, но – *сотрудников*.

Позади Переверзева находился еще кто-то, придерживая его за цепочку наручников и дыша кисловатым табачным перегаром.

– Что же вы, Николай Степанович? – все так же спокойно и вроде бы даже доброжелательно продолжал мужчина в очках. – Старший прапорщик патрульно-постовой службы, по долгу обязанный защищать общественный порядок, этот самый порядок и нарушаете? Да еще в нетрезвом виде? Нападаете на людей, наносите им... серьезные травмы... Вы же понимаете, коллега... – мужчина выделил последнее слово, – что такое не может остаться без последствий.

Прапорщик почему-то только сейчас заметил, что громадного черного автомобиля, в который запихнули девицу, нигде рядом нет. Как нет и кавказца Артура и его товарища. Ну и самой девицы, естественно...

Злость давно уже перегорела в груди Переверзева. Перегорела, выжегши все остальные чувства. Николай Степанович был полностью опустошен. Просто ничего не чувствовал. И ему было все равно, что произойдет теперь.

Щелкнули наручники. Прапорщик, уставясь в землю, стал потирать ссаженные запястья. Сколько раз он надевал наручники на других, но никогда не мог и подумать, что такое ему придется испытать самому.

– Идите, Николай Степанович, – сказал мужчина в очках, пряча удостоверение во внутренний карман пиджака. – Вы ведь, я так понимаю, недалеко отсюда живете?

– Ксиву... – хмуро попросил Переверзев. – Ксиву-то отдайте...

– Можете быть свободны, – словно не расслышав просьбы, сказал мужчина, – пока... Больше вас не задерживаю.

– Ксиву... – повторил Николай Степанович.

– Разберемся, – услышал он в ответ.

Переверзева толкнули сзади в плечо, так сильно, что он тронулся с места и пробежал пару шагов.

– Оглох, прапорщик? – осведомился тот, кто стоял за его спиной. – Вали отсюда, нечего тут отсвечивать...

Николай Степанович обогнул мужчину в очках и, даже не оглянувшись на того, кто его толкнул, пошел по тротуару. Бездумно пошел домой. Сильно болела голова. Да еще лупило по глазам Переверзева рассветное солнце, заливавшее ярчайшим желтым светом, будто раскаленным маслом, окна окрестных домов. Окна, во многих из которых торчали разбуженные шумом горожане – досматривали до конца, чем же завершится бесплатное уличное развлечение.

Глава 2

Старший лейтенант Ломов отвел взгляд от сидящего перед ним через стол задержанного. Мысленно досчитал до пятнадцати, надеясь, что приступ раздражения поутихнет. Прием этот помог плохо. Длинно выдохнув, Ломов побарабанил ручкой по столу.

На задержанном, который был помладше Ломова всего-то лет на пять, красовались старые и грязные камуфляжные штаны с пузырями на коленях, резиновые шлепанцы на пару размеров больше, чем требовалось, и камуфляжная же куртка, надетая прямо на голое тело. Несмотря на это маскарадное одеяние, парень вовсе не выглядел смешным. Вероятно, потому что держался так, будто это он являлся хозяином кабинета, а старший лейтенант Ломов был задержанным, приведенным сюда для допроса.

– Поехали еще раз с самого начала, – проговорил Ломов, – значит, вы, Олег Гай Трегрей, четырнадцати, как вы утверждаете... – он заглянул в бумагу, – среднеимперских лет...

Тут Ломов замолчал и выжидательно уставился на парня.

Парень не шевельнулся. Он сидел на стуле прямо, смотрел на Ломова спокойно, серьезно и... как-то... даже не как равный на равного, а несколько снисходительно. Это-то Ломова и бесило больше всего.

– Ну? – едва сдерживаясь, поторопил лейтенант.

– Господин полицейский, – произнес парень. – Все, что я сообщил, есть абсолютный максимум необходимой вам информации.

– Вот даже как? Абсолютный максимум? И добавить больше нечего?

– Я требую сиюминут доставить меня к Предводителю, – тут же и «добавил» парень.

Старший лейтенант откинулся на стуле.

– Опять двадцать пять... Со своим предводителем. Ну, если нечего сказать, так меня послушайте... Олег Гай Трегрей, – с нажимом заговорил он. – Во-первых, личность вашу все равно установят. Пальчики-то откатали? Личико сфотографировали? Ну, вот. Будут сделаны запросы, и очень скоро мы узнаем – что вы за Тре... Трегрей, и сколько вам на самом деле лет. Уж никак не четырнадцать. И тогда уже будем разговаривать по-другому. Лично я думаю, что возраст вы занижаете, чтобы уйти от уголовной ответственности. С той же целью скрываете и настоящее имя. Только хочу вас предупредить... – нажим исчез из речи лейтенанта, голос его зазвучал почти дружелюбно и, вместе с этим, как-то... весомее. Двдцатитрехлетний старлей очень хотел, чтобы этот непонятно по какой причине высокомерный задержанный, выглядевший почти ему ровесником, ясно прочувствовал всю силу его слов. – Хочу вас предупредить, что дача ложных показаний при производстве предварительного расследования является уголовным преступлением и предусматривает наказание в виде исправительных работ на срок до двух лет. Так что наговорили вы здесь уже на статью. Это-то понятно?

Олег Гай Трегрей чуть улыбнулся и качнул головой, каковой знак можно было растолковать: я, конечно, сказанное вами к сведению принял, но...

Старший лейтенант скрипнул зубами. Да что с ним такое, с этим задержанным?! Кого он из себя строит? Почему и от кого скрывается?

На оперативной работе старлей Ломов находился уже второй год, но за это довольно все-таки короткое время успел навидаться всякого. Доставляемые в отделение задержанные, имеющие причины утаивать свои биографии от всевидящего ока МВД, чего только не вытворяли, чтобы поскорее улизнуть на волю, не раскрывая при этом свое инкогнито. Бились в истерических корчах, пытались перегрызть себе вены, симулировали припадки сумасшествия – лаiali, выли, кусались, пели... некоторые – самые отчаянные и небрезгливые – даже мочились и гадили под себя, стремясь как можно больше извозиться в нечистотах. Словом, готовы были на все в надежде, что полицейские, которые, конечно, тоже люди, плю-

нут и откроют решетчатую дверь «обезьянника» со словами: «Пошел вон отсюда, рванина, возиться еще с тобой...» Говорят, подобное иногда срабатывало... Но самым распространенным приемом было, естественно, предложение взятки. Сам Ломов сбился бы со счета, если б вознамерился подсчитать, сколько раз за два года ему предлагали «договориться». Много раз. И, надо сказать, всегда безуспешно.

Старшего лейтенанта Никиту Ломова в родном его отделении называли карьеристом. Он, безусловно, и являлся таковым. Карьеристом, да. Но – особого разбора. Он не распускал слухи, не наушничал, не искал повода услужить вышестоящим, хотя и не упускал случая в нужную минуту оказаться поближе к начальству. Никогда не брал взятки – не исходя из каких-либо принципов, а просто потому, что не считал это нужным. Он хотел *настоящего* успеха, а не сиюминутной сомнительной прибыли. И уж точно он не стал бы выколачивать показаний даже тогда, когда вина задержанного была очевидна. Потому что считал это уделом ленивых и бесталанных. Да и такой метод ведения работы неизменно привел бы к созданию соответствующей репутации, а для того, кто намеревается подняться к самым верхам, положительная репутация – вещь необходимая. Не имея знакомств и связей, он признавал лишь один путь достижения цели. Работать. Добросовестно, не делая себе поблажек, не жалея сил. И еще, конечно, так, чтобы достижения его были всегда замечаемы начальством... Справедливо полагая, что особо выделяющихся из коллектива этот самый коллектив не всегда любит, Ломов время от времени позволял себе участвовать в общих пьянках... ну или поддержать какое-нибудь из *мероприятий*... Вроде того, что устроили по весне одному типу, которого прихватил наряд неподалеку от отдела, в гаражах, куда тот завел возвращавшуюся из школы пятиклашку... Парни девочку отпустили домой, записав предварительно ее данные, а типа, конечно, забрали с собой. И в отделе только сообразили, что предъявить-то типу нечего. С девочкой он ничего сделать не успел, она даже и не поняла, чего хотел от нее этот дядя... Оказавшийся, кстати, старым знакомым, уже дважды судимым за то же самое... Оставалось гада отпустить, но тут выяснилось, что проживает он неподалеку – снимает комнату в студенческом общежитии. Каким образом извращенец далеко не студенческого возраста оказался в этом общежитии, стало ясно, когда туда наведалься «летучий отряд», в составе которого был и старший лейтенант Ломов. Схема известная: студент, которому полагается комната, живет где-нибудь у родственников, имея дополнительный доход от комнаты, снимаемой приезжим, а комендант ежемесячно получает на лапу и помалкивает. Любителю малолетних девочек замаячил штраф за нарушение паспортного режима, но... что такое этот штраф? И тогда «летучий отряд» прямо на месте принял решение: замочную скважину в комнате извращенца наглухо забили спичками и залили клеем. Отпущенный восвояси рецидивист вернулся домой, попытался попасть в комнату, но – не тут-то было, парни постарались на совесть. А в тот момент, когда он ломиком выломал замок и открыл-таки дверь, на этаже откуда ни возьмись нарисовался участковый... В общем, поехал через пару месяцев злодей на зону по обвинению в совершении кражи со взломом. Комендант-то, не желающий себе проблем, от всего открещивался, да и со студентом поговорили начистоту...

Ну и в делах, менее безобидных, приходилось Никите Ломову участвовать. Тут уж никуда не денешься – жизнь есть жизнь, и против коллектива идти никогда не стоит. Полицейские, действующие только и исключительно в рамках закона – такого даже в бесчисленных телевизионных сериалах не встретишь. Главное, определив для себя границы допустимого, лейтенант Ломов всегда знал, как ему следует поступать, чтобы не хуже других – а лучше! – делать свое дело.

И тут этот Олег Гай... Его раскусить не получалось. Можно подумать, он и впрямь нисколько не хочет покидать отделение, пока сотрудники не свяжутся с этим его «предводителем». Может, он и на самом деле псих? Когда его ввели, коротко поклонился невиданным

каким-то поклоном. Выговор у него странный, да и построение фраз... необычное. Да еще и эти «среднеимперские» года. Да еще имя... Вдруг действительно с головой не все в порядке? С настоящими-то сумасшедшими Ломов никогда дела не имел...

Но, взглянув на задержанного, лейтенант от мысли, что Олег псих, мысли, закружившейся вокруг его головы, словно надоедливая муха, тут же отмахнулся. Не псих он, скорее всего, Олег Гай Трегрей или как его там... Придуривается, играет. И это, кстати, у него очень хорошо получается.

– Ладно, – вслух проговорил Ломов, – разберемся. А вам, Олег Гай, придется еще у нас погостить.

Он поднял телефонную трубку, набрал внутренний номер и сказал:

– Саш, давай этого... раннюю пташку.

Через несколько минут в кабинет ввели низкорослого мужичонку в пухлом, не по погоде, свитере и замызганных длинных шортах, босого. Глаза мужичонки металась из стороны в сторону, как у испуганной ящерицы. Сходство с земноводным дополнялось бледной, с коричневыми пятнами давних ожогов, лысиной. Нижняя губа мужичонки была рассечена, на подбородке и на шее виднелись следы засохшей крови. Походка у лысого была какой-то дерганой, будто он каждую секунду был готов к прыжку.

Заведя лысого, дежурный спросил, указав на парня:

– Этого куда? Обратно в «обезьянник», или как?

– В камеру.

– Да камеры, Никит... это... моют сейчас. Пусть тут посидит немного, а то гулять с ним туда-сюда...

– Ну, погодите здесь пока, – разрешил Ломов – А вы, Олег Гай, пересядьте вон к стене.

Парень молча переместился на короткую скамейку. Лысого усадили на его стул. Дежурный со скучающим видом утвердился на подоконнике.

Лейтенант подвинул себе несколько исписанных бумажных листов, неторопливо и внимательно прочитал первый, пробежал глазами остальные. Все это время лысый дергался и косился по сторонам, словно сидел не на стуле, а на нагревающейся сковородке.

– Сергей Александрович Романов? – поднял глаза от протокола лейтенант. – Прописан: улица Немецкая, один, квартира пять?

– Да! – почему-то с вызовом выкрикнул лысый.

– Проживаете по месту прописки?

– Проживаю!

– Надо же, – удивился дежурный, – проживает он. Шикарно устроился, в самом центре. А на вид – бомж бомжом. Тут с тремя спиногрызами в съемной однушке паришься годами, пока до тебя очередь дойдет на квартиру, а эти синерылые царствуют в собственных хатах. Там же, на Немецкой, одни «сталинки»... А зачем ему «сталинка»? Я бы таких вообще выводил бы куда-нибудь за город, в бараки.

Ломов неодобрительно глянул на дежурного, и тот замолчал. Но через несколько секунд не удержался и снова обратился к задержанному:

– Слышь, болезный? А хата у тебя сколькокомнатная?

– Тр-рех! – отчеканил Романов.

– Во, гад! – ахнул дежурный. – Правильно вас на квартиры кидали... кидают и будут кидать. По справедливости!

– Сержант, ты что вообще?! – опять вскинул глаза на дежурного лейтенант.

– Молчу, молчу, ладно... Нет, обидно просто, Никитос! Вон у меня сеструха, литературе учит детишек в школе, взяла хатку-малосемейку в ипотеку – по социальной, сука, программе от правительства области. Так ей рассчитали: двадцать пять лет по пол-зарплаты ежемесячно относить. В итоге получается – в три с половиной раза переплатит. Если дожи-

вет, конечно. Четыре года платила исправно, приходит ей очередная бумажка-уведомление – и знаешь, на сколько она сумму реального долга скостила? На неполных пять косарей! А этот калдырь, падла... Все, Никитос, молчу...

– Курите, Сергей Александрович? – после паузы осведомился старший лейтенант у задержанного.

Романов замотал лысой головой.

– Это хорошо, – одобрил Ломов. – И я не курю... Ну, что ж, Сергей Александрович, начнем? Итак, сегодня, около шести утра вы вошли в круглосуточный продуктовый магазин по адресу Немецкая, дом три и, воспользовавшись отсутствием охранника, а также тем, что работник магазина спала на рабочем месте, совершили хищение продуктов на сумму две тысячи двадцать три рубля. После чего были задержаны вернувшимся в магазин охранником и переданы сотрудникам полиции, приехавшим по вызову. Так было дело, Сергей Александрович? Лысый шмыгнул носом и шумно задышал.

– Не брал я ничего! – тонко выкрикнул он. – Этот козел, как вошел, сразу меня крутить начал – ни с того ни с сего! Продавщица зенки разлепила и тоже орать стала! Они меня вдвоем там чуть не убили! А эти... макароны и бутылки разные... с прилавка попадали, когда эти гниды меня пластали!

Он даже приподнялся со стула, прижимая руки к груди, дабы придать своим словам больше искренности.

– Сядь! – окрикнул его дежурный.

– Я матерью клянусь, командир, ничего не брал! – брякнувшись на стул, пискнул еще Романов.

– Заткнись! – велел дежурный.

Старший лейтенант потер двумя пальцами переносицу.

– Сергей Александрович, – негромко проговорил он, – сотрудничество со следствием вам обязательно зачтется на суде...

– Я ничего подписывать не буду! – лицо лысого теперь злобно исказилось. – Ничего я не брал! Докажите сначала! На суде!..

– Да и доказывать нечего, – сказал Ломов. – Во-первых, задержали вас непосредственно на месте совершения преступления, чему есть два свидетеля. Во-вторых, помимо трех бутылок водки, бутылки коньяка, двух пачек макарон, которые действительно первоначально находились на прилавке, при вас обнаружили еще три упаковки замороженных пельменей, которые на прилавке никак не могли оказаться. Вы их, Сергей Александрович, из холодильника вытащили.

– Ничего я не вытаскивал! – взвизгнул лысый, снова подскакивая. – Не докажете!

– А, в-третьих, – размеренно договорил Ломов, – помещение оснащено камерами видеонаблюдения. Показания с камер снимут, вы и тогда будете отпираться?

– Не работают там камеры! – торжествуя, крикнул Романов. – Это все в округе знают! Че, на дурачка хотел, да, командир? Так, для вида висят, камеры-то! Не докажете ничего!

Отдуваясь и перебирая руками на коленях, он оглянулся по сторонам и наткнулся на свирепый взгляд дежурного.

– Мудохать будете?! – снова взвился лысый. – Сейчас времена не те, понятно? Только пальцем троньте – я вас сам посажу, мусора поганые! Сразу заяву прокурору накатаю! И за вот это вот – видите? – он ткнул пальцем в рассеченную губу, – тоже ответите!

– Вот урод! – искренне возмутился дежурный. – То ж не мы, а охранник!

– А докажете! – ощерившись, предложил Романов. – Все знают, что в ментовке людей мучают, показания выбивают! Заяву накатаю, сухой быть! И это... на первый канал напишу, Малахову! На всю страну вас ославят, мусоров вонючих!

– Ну, сука... – изумился дежурный.

Лейтенант Ломов сплел пальцы на тонкой стопке бумаг.

– Сергей Александрович, – терпеливо произнес он. – Вину вашу доказать никакого труда не составит. Но если вы сами сейчас дадите признательные показания, суд это учтет...

– Хер вам! – провизжал лысый, сделав соответствующий жест в сторону Ломова. – Не буду сидеть! Не буду!

– Потихе! – пристукнул старший лейтенант ладонью по столу. – А то еще и оскорбление сотрудника при исполнении оформим. Подпишите вот здесь, и отправляйтесь обратно в камеру подумать.

– Ничего подписывать не буду! Дурака нашел?! Я ни с чем не согласен, что вы там напридумывали!

– Ваша подпись лишь подтверждает то, что вы прочитали протокол. Если не согласны с протоколом, отметьте это над подписью.

– Не буду, сказал!

– Последний раз предупреждаю! – несколько возвысил голос Ломов. – Не усложняйте себе... и нам жизнь. Вы прекрасно понимаете, что виноваты, и отвертеться не получится...

– Да без толку, Никит! – махнул рукой дежурный. – Я таких типов знаю. Истерить будет до последнего. С такими разговаривать бесполезно. Таких учить надо.

Тут дверь отворилась, и в кабинет просунулась рыжая голова сержанта Монахова.

– Чего шумим? – весело осведомился он, быстро обшаривая наглыми глазами пространство. – О, нудист! – увидел он парня у стены. – Смотри-ка, прикинулся модно. Ну что, выяснили, из какого зоопарка он сбежал?

– Молчит, – неохотно ответил Ломов. И взглянул на наручные часы. – Леш, у тебя своих дел нет? Тебе на патрулирование разве не нужно собираться – половина третьего уже.

– А Степаныча на ковер дернули, – сообщил Монахов, входя в кабинет. – Ждем-с... А это, – кивнул он на лысого, – что за чудо такое?

– Тоже в отказ идет, – сказал дежурный. – Хотя на месте прямо взяли, магазин выставил. Даже протокол подписывать не хочет, зануда.

– Зануда? – глаза у Монахова заблестели. – Никитос, давай, я с ним побазарю, а?

– Да надо бы, – поддержал дежурный. – Никит, правда? Борзый он очень. Возиться с ним будешь до посинения. А мы быстренько.

Коротко брякнул телефон на столе Ломова. Лейтенант поднял трубку, проговорил в нее:

– Да, Михал Михалыч, я помню, уже иду, – и поднялся из-за стола.

– Убирай обоих в камеру, – складывая бумаги в ящик стола, сказал он дежурному. – И ты, Леша, иди, делом займись. У Михалыча опять с компом что-то, просил посмотреть.

– Во, – сказал Монахов. – Старшим по званию помогать – святое дело. Ты Михалычу поможешь, а мы тебе. Все правильно.

Он с хрустом размял пальцы, выразительно поглядев при этом на задержанного Романова.

– Заяву накатаю! – забеспокоился лысый. – На вас на всех накатаю! На первый канал позвоню! Только попробуйте тронуть!

– Зассал? – нехорошо сощурился на лысого дежурный. – Будешь показания давать, гадина?!

И вдруг лысый мужичонка вскочил на ноги, пинком отшвырнул стул и пронзительно завопил, обернувшись к открытому зарешеченному окну, разодрав на груди свитер:

– Убивают! Помогите, меня мусора убивают!

От неожиданности Монахов даже подпрыгнул. Дежурный Саша слетел с подоконника. Ломов поморщился.

Лысый мужичонка вопил недолго. Монахов и Саша навалились на него почти одновременно, скрутили руки за спиной. Леха защелкнул на запястьях мужичонки наручники, и тот моментально замолчал. Только хрипел, вращая бешеными глазами.

– Видал, Никита? – осведомился Леха, упираясь коленом в спину корчащегося на полу Романова. – Ну не хочет он русского языка понимать, никак не хочет. Орет, оскорбляет... Такого спускать никак нельзя. Честь мундира ведь замарана.

– Точно, – поддакнул снова дежурный.

– В камеру! – идя уже к двери, повторил старший лейтенант. – Чего непонятного-то?

– Ты ж нормальный пацан, Никитос! – крикнул ему в спину сержант Монахов. – Когда закончишь чистюлю из себя строить? Карьерист, блин...

– В камеру, сказал! – произнес еще раз Ломов и вышел из кабинета, оставив дверь открытой.

Монахов поднялся. Они с дежурным переглянулись – тот понимающе кивнул.

– Ничего, обтешется, человеком станет... Сейчас, погоди минутку! – с веселым азартом, словно мальчишка, затеивающий проказу, проговорил Леха и выбежал из кабинета.

Вернулся он скоро. В руках у него был... карандаш. Но не обычный, а громадный, видимо, сувенирный – длиной больше метра и на вид очень увесистый. Исполинский карандаш этот изготовлен был довольно реалистично, наличествовала даже резинка-ластик на нерабочем конце.

Монахов закрыл дверь кабинета, щелкнув фиксатором на ручке, запер ее и, ослабившись, поигрывая карандашом, подошел к сопящему на полу закованному в наручники Романову.

Дежурный, несильно пнув лысого, произнес:

– Ну вот, не хотел по-хорошему, будет как всегда.

– Заяву напишу! – пискнул снова Романов, но уже безнадежно. Все истерическое бесстрашие слетело с него в тот момент, когда он оказался в наручниках.

– Пиши, – согласился Леха. – Писали уже такие... Пиши подробней – чем именно тебя истязали. Это самое главное. А то прокурор не поверит. И побои... – он перевернул карандаш резиновым набалдашником и пару раз замахнулся, примериваясь. – Жаль, что следов побоев зафиксировать не удастся. Потому что нечего будет фиксировать.

– Будешь показания давать?! – рывкнул дежурный.

– Бу... буду... Не бейте меня!

– Молодец, – похвалил Леха. – Только за оскорбления сотрудников при исполнении все равно придется ответить. «Мусора», говоришь? Хоть знаешь, откуда это слово пошло? Не от бытовых отходов, как всем вам кажется, а от Московского уголовного сыска, МУСа, то есть. Который только после революции стал МУРом.

– Серьезно? – удивился дежурный. – А я и не знал.

– Век живи, век учись, – сказал на это Монахов и замахнулся карандашом.

Ударить у него не получилось.

Парень со странным именем Олег Гай Трегрей, про которого оба присутствовавших в кабинете полицейских благополучно успели забыть, перехватил занесенное оружие. Не сообразив еще толком, что, собственно, произошло, Монахов с силой дернул карандаш на себя – раз, другой... Но парень мало того, что не выпустил карандаша, даже не шелохнулся.

– Очумел?! – взревел Леха.

– Я решительно это возбраняю, – сказал Олег и, чуть крутанув, легко отобрал карандаш, а потом швырнул его в угол.

Глаза сержанта округлились. Он ринулся на парня, отведя правую руку для удара. Парень подался ему навстречу.

Дежурный, разинув рот наблюдавший за этим, не понял, что случилось в следующее мгновение. Монахов вроде бы и ударил парня, только тот в самый момент удара чуть ушел в сторону, коротко вздернул локти – и сержанта подбросило как на трамплине. Леха, перевернувшись в воздухе, спиной врезался в стену и головой вниз обрушился на пол.

– Ты! – рывкнул дежурный, нашаривая кобуру на боку. – Ты чего?!

Олег развернулся к нему. Лицо парня было, хоть и бледно, но вроде спокойно, зато сощуренные глаза жгли яростью, а на левом виске, точно живая, задергалась вена. Полицейский обомлел. Взгляд парня пригвоздил его к месту. Дежурный никогда не испытывал ничего подобного. Из него словно молниеносно выкачали все силы, тело стало чужим. Руки обвисли вдоль туловища, а в голове стало пусто-пусто, и в брюхе заворочался беспричинный животный страх.

* * *

Начальник отделения полковник Михаил Михайлович Рыков был крайне немногословен. Когда Переверзев вошел в его кабинет, полковник в ответ на приветствие лишь коротко кивнул и указал на стул. И, только старший прапорщик присел на краешек стула, двинул Рыков к нему уже заготовленный бумажный листок.

Переверзев не удержался от судорожного вздоха. Что ж... в принципе, именно этого он и ожидал. Тем не менее, Николай Степанович помедлил минуту в дурацкой надежде, что все на самом деле не так плохо...

– Пиши, – коротко сказал Рыков. И надежда Переверзева рухнула.

Николай Степанович взял ручку, повертел ее в руках.

– Михал Михалыч, как так-то? – тихо спросил он.

Полковник, надув щеки, смотрел куда-то в сторону. Потом тяжело пошевелился, неловко скользнул взглядом по лицу Николая Степановича, на мгновение задержавшись на подбитом глазе. И проговорил:

– Как... Сам знаешь, как... Или ты пишешь по собственному, или я пишу. Звонили мне... – пояснил он еще, но не стал уточнять вслух, кто звонил и откуда. Вместо этого выразительно ткнул пальцем в потолок.

Прапорщик раскрутил дешевенькую ручку и скрутил ее снова.

– Может, перевестись куда? – спросил он.

Рыков отрицательно качнул головой. Этот вопрос Переверзева был уже лишним. Оба они – и полковник, и прапорщик – служили давно. И обоим все было ясно.

– Пиши, – вздохнул Михаил Михайлович. – Удостоверение... можешь не сдавать, конечно. Оно у меня уже.

Николай Степанович начал писать. Вывел шапку. Под шапкой коротко черкнул: «Заявление». Еще ниже: «Прошу уволить меня по собственному желанию...»

Полковник, надувая щеки (точно играя на невидимой трубе), следил, как на листе бумаги косо склоненные буквы связываются в строчки.

– Дату не ставь, – в нужном месте предупредил он.

– Задним числом? – глухо спросил прапорщик.

– Задним числом...

Переверзев закончил писать, поставил подпись. Вот и все. Теперь можно вставать и уходить. Но он почему-то сидел, ссутулясь, глядя на только что написанное заявление. Михаил Михайлович вздохнул и поднял из-за стола свое большое тело. Качнулся к сейфу, открыл незапертую дверцу, достал пузатую бутылку. Из ящика стола извлек две крохотные стопки. Молча разлил коньяк, подумал, двигая густыми бровями... Сунулся опять в стол и вытащил оттуда початую коробку конфет.

– Давай-ка, – пригласил он, поднимая свою стопку.
– Не чокаясь? – дрогнул усами Николай Степанович.

Полковник не ответил.

Они выпили, Рыков тут же налил еще.

– Михал Михалыч... – спросил Переверзев, прожевав конфетку. – А кто... этот?

Рыков негромко назвал фамилию. Прапорщик поднял голову, лицо у него вытянулось, он присвистнул.

– Вот так, – подтвердил Михаил Михайлович. – Что ж ты, Степаныч?.. Не узнал. Телевизор надо чаще смотреть. И с ним был еще... – он назвал еще одну фамилию. – Да-да, сынок того самого, хозяина всех наших овощных, а также и вещевых рынков. Давай-ка...

Они снова выпили. И снова Рыков налил еще.

– Можно сказать, тебе еще повезло, – хмыкнул он. – Но ты это... на всякий случай бы уехал куда-нибудь... в деревню к родственникам. Временно.

– Да куда я уеду-то... – буркнул Николай Степанович.

Полковник потянулся к бутылке, привстал и спрятал ее обратно в сейф, давая понять, что аудиенция окончена. Переверзев выпил, посмотрел на конфеты и закусывать не стал. Злость – та самая, что кинула его вчера в драку – снова заклокотала в нем. И с тяжелой отчетливостью забилося сердце.

– Михал Михалыч, да что ж такое-то? – сбиваясь, заговорил он. – Откуда они такие берутся? Почему им все можно? А нам... кем бы ни были... даже посмотреть в их сторону нельзя?..

– Ну, хватит, – грубовато оборвал его полковник. – Ты еще заплачь тут у меня. Взрослый умный мужик, понимать надо. Ничего тут уже не поделаешь. Считай, что тебя... трактор переехал. Да, и кстати, чтобы никому о том, что было. Будут спрашивать, скажи, мол, место предложили где-нибудь... в охране, в банке, например. С хорошей зарплатой. Понял? – кажется, в первый раз за все время разговора Рыков взглянул на прапорщика прямо. – Это в твоих, между прочим, интересах.

Николай Степанович угрюмо молчал, а потом взглянул на полковника исподлобья. Тот отвел глаза. Переверзев понимал, что надо уходить, но почему-то не мог заставить себя встать со стула. И Михаил Михайлович, видно, понял его по-своему. Он завозился, вытащил бумажник, отсчитал несколько тысячных бумажек. Поколебался и добавил еще столько же.

– Бери, бери, – подтолкнул он их к прапорщику. – И не надо думать, что я... зверь какой. Ты ж меня знаешь, Степаныч. Если бы что-то можно было сделать, я бы сделал. Но тут... – он развел руками. – Против ветра не плюнешь.

– Да времена вроде бы уже не те, – сказал Переверзев.

– Времена не те, – быстро согласился полковник. – А что толку? Мы-то – те. И они... все еще те.

Переверзев сгреб бумажки со стола. Вот теперь точно следовало встать и уйти. Но прапорщик все равно не двигался с места. Ему казалось... что-то еще осталось невысказанным. Или не сделанным. Но понять до конца, что именно, или как-то это выразить, он не умел.

В дверь кабинета постучали.

– Да! – громко и, как показалось Николаю Степановичу, с облегчением, крикнул полковник Рыков.

В кабинет заглянул старший лейтенант Ломов:

– Можно, Михал Михалыч?

– Заходи, заходи, Никита! – бодро разрешил Рыков. – Понимаешь, такое дело – включаю компьютер, гудит, все дела, а монитор не горит. Что такое опять?

– Сейчас посмотрю, – сказал лейтенант, протягивая руку Переверзеву.

Николай Степанович, наклонившись, чтобы не так сильно был замечен подбитый глаз, пожал руку Ломову, пробурчал невнятно приветствие и вышел.

– Да у вас штекер просто отошел, – сказал лейтенант, мельком глянув на монитор, стоявший к нему тыльной стороной.

– Да хрен его знает, штекер или не штекер, – ответил полковник. – Ни черта я в них не понимаю...

* * *

Дверь кабинета дрогнула от толчка. Потом в нее забухали чьи-то кулаки. Задержанный Романов на полу дернулся и заверещал. Заворочался и застонал у стены, приходя в себя, Леха Монахов.

– Ты что, упырь?.. – прокряхтел он, приподнимаясь. – Ты понимаешь вообще, что сделал? Запрещает он... Санек, ты чего стоишь?! Ствол доставай! Ствол!

Дежурный Саша вдруг ощутил, что способен двигаться. Негнущимися ногами он шагнул к столу... хотел опуститься на стул, стоявший рядом, но вместо этого сломался пополам и навалился грудью на стол. Форменная рубашка тут же прилипла к мокрой от пота спине.

Парень подошел к двери, щелкнул фиксатором. Дверь распахнулась, и порог перешагнул Ломов. Окинув взглядом кабинет, он без лишних слов распахнул пиджак и вытащил из нагрудной кобуры пистолет.

– Руки на стену! – скомандовал он Олегу. – Быстро!

– Ты покойник, урод! – хрипел Монахов. – Вали его, Никитос! Вали прямо в башку!.. Ты кем себя, козел, возомнил? Ты зачем это сделал?

– Потому что вам не должно творить такое, – ответил Олег, подняв руки и шагнув к стене.

Дежурный выпрямился. Оторопь растаяла, силы вновь вернулись к нему. Но ноги еще дрожали. Он провел ладонью по лбу – и вытер мокрую ладонь о рубашку. «Это что такое со мной было?» – с недоумением подумал дежурный, глядя на то, как лейтенант Ломов, не выказывая никакого намерения окаменеть на месте, подходит к стоящему у стены парню.

– Наручники дай! – прикрикнул лейтенант на дежурного.

Тот, стараясь ступать прямо и уверенно, приблизился к Ломову и протянул ему наручники. На парня дежурный при этом старался не смотреть.

Олег не сопротивлялся, когда на него надели наручники. Старлей отвел его к стулу, на котором сидел Романов, усадил. И только тогда, спрятав пистолет опять в кобуру, развернулся к Монахову:

– Что тут у вас творится?

– Я скажу! – неожиданно подал голос лысый на полу. – Я все скажу! Я все видел, и я все скажу!

– Ты смотри, как разговорился! – усмехнулся лейтенант Ломов. Но сразу посерьезнел. – Леша, это что такое? – осведомился он, указав на валявшийся в углу громадный карандаш. – Я ж говорил вам, а вы за свое...

Монахов поднялся, ощупал себя. Как только прозвучал вопрос лейтенанта, он сразу вскинул голову:

– Не в том дело, Никитос! Не о том говоришь! Ты бы видел, что здесь этот обсос устроил! Шарахнул меня так, что... Сзади подбежал, гад.

– Он – тебя? – усомнился лейтенант.

– Они меня бить хотели! – завыл с пола лысый Романов. – А парень заступился!

– Захлопни пасть! – рявкнул на него Леха. – Ты, сука, еще свое получишь. И не только ты...

– Тихо, сержант Монахов! – тоже повысил голос лейтенант.

Леха неохотно замолчал. Дежурный решился-таки посмотреть в лицо Олегу. Ничего необычного он не увидел. Лицо как лицо, нормального уже цвета, не бледное. Но взгляд... Ярости в нем уже не было, но даже закованный в наручники, парень смотрел на полицейского несколько свысока.

Кулаки дежурного сжались сами собой. Но тут же почувствовав, как в животе снова ворохнулся необъяснимый страх, полицейский поспешно отвел глаза и отошел к окну. «Черт знает что, – подумал он. – Не дай бог опять такой... приступ... И ведь скажешь кому – не поверят...»

– Задержанный... Трегрей, – вспомнил Ломов необычную фамилию парня, – насколько я понял, вы только что совершили нападение на сотрудника полиции, находящегося при исполнении своих служебных обязанностей.

– Я ему сейчас, падле, покажу нападение, – засопел Монахов, двинулся к Олегу, но на полпути был остановлен жестом лейтенанта... и повернул обратно.

– Это не так, господин полицейский, – ровно ответил парень.

– Отпираться еще будет! – крикнул Леха.

Олег посмотрел на него, потом перевел взгляд на старшего лейтенанта. И заговорил отчетливо и ясно:

– Сотруднику полиции запрещается прибегать к пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Сотрудник полиции обязан пресекать действия, которыми гражданину умышленно причиняются боль, физическое или нравственное страдание. Закон о полиции, статья пятая, пункт второй.

Монахов скривился:

– Глянь, как исполняет!

Дежурный криво усмехнулся. А потом вдруг засмеялся – громко и нервно. Монахов и Ломов удивленно на него уставились.

– Это Комлев, – отсмеявшись, объяснил полицейский. – Он, когда смену сдавал, мне рассказывал, что этот типчик у него книжку выпросил – справочник какой-то о законах РФ. Ну, на столе валялась, толстая вообще-то. Наверное, всю ночь читал, не спал. Даже вызубрил, знать.

Старлей помял чисто выбритый подбородок. Ну и денек сегодня выдался! А этот Олег Гай Трегрей – личность, как выясняется, еще более интересная, чем ему казалось раньше. Неужто правда это он четверым гопникам по морде настучал, а не они ему?

– Так, – сказал он, – задержанного Трегрея отвести в камеру. А с задержанным Романовым мы еще поработаем. Раз он внезапно вознамерился сотрудничать.

– А и правильно, – неожиданно согласился Монахов. – Не надо ублюдку нападение на сотрудника мотать. Он ведь все по закону сделал. Спас меня, можно сказать, от совершения преступления. Веди его в камеру, Саша.

Леха помедлил и многообещающе подмигнул парню.

– Не думай, что я такую услугу забуду, – сказал он. – Я добро помню. Еще встретимся, мальчик...

* * *

Рабочий кабинет Предводителя Дворянства был идеально круглым, словно располагался внутри верхушки башни. За высокими окнами кабинета неслышно перекачивал ленивые волны океан. То и дело мимо окон проносились, резко вскрикивая, снежно-белые чайки. Из-за далекого-далекого горизонта всходило солнце, и от его лучей, насыщенных желто-красным тяжелым теплом, неторопливые океанские волны маслянисто поблескивали.

Но Предводитель на эту красоту не обращал ровным счетом никакого внимания. Он работал. Руки его скользили над поверхностью стола, представляющей собой сенсорный экран, на котором, подчиняясь молниеносным движениям пальцев Предводителя, выстраивались сложные фигуры из букв, цифр и каких-то диковинных знаков. Выстраивались и снова рассыпались...

Пискнул сигнал универсального передатчика, настроенного на голосовое управление. Предводитель, чуть сдвинув брови, пробормотал:

– Разрешить прием.

– Будь достоин, – зазвучал слышимый только Предводителю голос из невидимых динамиков передатчика – крохотного прибора, пластиковой блестящей гусеницей удерживающегося на его ухе.

– Долг и Честь, – ответил Предводитель.

Голос из передатчика принадлежал ректору Высшей имперской военной академии, полковнику Игнатию Рольф Кантору. И голос этот звучал так необычно встревоженно, что Предводитель окончательно отвлекся от работы – буквы, цифры и значки послушно замерли, когда он отнял руки от стола. Предводитель проговорил:

– Разрешить видеоизображение.

Перед его глазами появилась небольшая, ясная, но не мешающая обзирать окружающий мир картинка: ректор – немолодой мужчина, седоволосый и прямой, как штык, – стоял во внутреннем дворе Академии. На одной из аллей Сквера Размышлений, как тут же определил Предводитель. Ректор опирался на тонкую трость, неуловимо напоминающую шпагу (формально по давней военной традиции право на такую трость получали высшие морские офицеры, прошедшие через горнило боевых действий; фактически же трость выполняла не только декоративные функции). Полковник последние годы испытывал известный дискомфорт при движении. Титановые протезы, поставленные два десятилетия назад, еще во время Последней Войны, как средство компенсации ампутированных конечностей, давно уже морально устарели, но Игнатий Рольф наотрез отказывался снова ложиться под лазерные скальпели военных хирургов. «Новые ноги? – говорил он, когда на офицерских собраниях заходила об этом речь. – Благодарю покорно. Время скакать молодым козлом для меня минуло. Тем паче, что боевые шрамы надобно носить с гордостью не меньшей, чем ордена...»

– Что за злополучие приключилось, полковник? – прямо спросил Предводитель, глядя на лицо ректора, изборожденное застывшими сейчас, точно заледенелыми морщинами.

Игнатий Рольф тоже не стал тратить лишних слов.

– Пропал один из моих курсантов, – сказал он. – Урожденный дворянин Олег Гай Трегрей, обучающийся на втором курсе. Отсутствие зафиксировано второго дня на вечерней поверке. Опрос курсантов и преподавателей ничего не дал. За территорию Академии Трегрей не выходил, все помещения корпусов проверены той же ночью с должным тщанием. Обнаружены лишь личный универсальный передатчик курсанта Трегрея и его одежда, вплоть до нижнего белья. Городские власти предупреждены сиюминут после начала поисков. Кроме того, в город высланы курсантские патрули. Но и в городе Олега найти пока не удалось. Курсант Олег Га й Трегрей напросте исчез. Растворился в воздухе.

Предводитель откинулся на спинку кресла.

– Олег Гай Трегрей, – проговорил он медленно. – Позвольте, полковник, это ведь тот самый Трегрей, не так ли?

– Да, – подтвердил Игнатий. – Тот самый. Наш уникум. Непредставимо даровитый, прочимый на блестящую будущность.

Предводитель вздохнул:

– Да-да, припоминаю... Побег? – произнес он и тут же сам усмехнулся нелепости предположения. – Но... зачем?

Полковник пристукнул тростью по гладкой минерало-металлической поверхности аллеи.

– Именно – зачем! – проговорил он несколько даже оскорбленно. – Наша Академия – наилучшая во всей Империи. Великая честь обучаться в ней выпадает далеко не каждому юному сыну Отечества, лишь лучшие из лучших достойны Академии, за всю историю коей не было ни одного побега. Бежать? Курсанту Трегрею? Неописумейшая нелепость!

– М-м-м... – промычал в ладонь, приложенную ко рту, Предводитель. – Если исключить возможность какого-либо несчастья... Остается только одно. Похищение.

– Исходя из этого соображения, я и связался с вами столь прескоро. Вам известно, кто отец курсанта Трегрея?

– Трегрей?.. – на мгновение Предводитель задумался. И вспомнил. – Трегрей! Да, – серьезно кивнул Предводитель. – Дело может принять всеимперский масштаб. Я сиюминут извещу Канцелярию.

– Если нам удастся что-нибудь выяснить, я вам сообщу, – сказал Игнатий. – Засим позвольте откланяться.

Прервав связь, Предводитель тут же отдал команду передатчику активировать новое соединение. Закончив разговор с Канцелярией, он встал из-за стола, подошел к окну, сложив руки за спиной.

Над океаном поднимался ветер. Волны погрузнели, стали больше и темнее, на вершушках их появились белые пенные гривы. Хоть окна и были закрыты, Предводитель явственно ощущал тревожащий и резкий солоноватый холодный запах – явный предвестник грядущего шторма. Предводитель щелкнул переключателем, расположенным на панели пониже окна, деактивировав оконную голограмму, и пейзаж за оконными стеклами моментально и разительно изменился. Теперь у ног Предводителя лежал огромный город – полуденное солнце заливало жидким огнем окна и стены высотных зданий в несколько сотен этажей, пускало стремительные красные искры по извивам пневмотоннелей, скользящих между высотками. И соленый ветер океана Предводитель больше не чувствовал. Нажатием кнопки он приоткрыл окно и глубоко вдохнул запах нагретых солнечным теплом металла и пластика.

Олег Гай Трегрей.

Предводитель вспомнил один из своих многочисленных визитов в Академию. Да... два года назад. Церемония приема новых курсантов. До предела заполненный Зал Торжеств. Гомон многих сотен юных голосов, всплески музыки, смех... Только что зачисленные на первый курс юноши в новенькой форме по одному появлялись на высокой сцене, и тогда шум в Зале смолкал, ибо священный ритуал произношения клятвы верности Государю и Империи требовал полнейшей тишины.

Вспомнил Предводитель и приглушенную скороговорку полковника Игнатия Рольфа, наклонившегося к его уху:

– Олег Гай Трегрей, урожденный дворянин... – сообщил полковник, указывая взглядом на невысокого мальчишку, бегом поднимавшего по ступенькам на сцену. – Весьма талантлив, весьма. Находясь на домашнем обучении, сумел постичь первую из трех ступеней Столпа Величия Духа. Сдается мне, оставшиеся три он способен постичь куда как раньше своих сверстников...

Стоя сейчас у окна своего кабинета, Предводитель напряженно размышлял, покусывая губу.

Похищение? Вероятнее всего... Но, если дело обстоит именно так, значит, вскорости положение непременно разъяснится.

А если нет?

Отчего-то Предводителю казалось, что в этом случае внешние враги Империи ни при чем. Он и сам не смог бы объяснить, откуда взялось в нем это предчувствие...

* * *

Камера предварительного заключения этого отделения полиции выглядела так же, как и подобные камеры многих прочих отделений. Располагалась она в подвале, окон не имела, как не имела и нар. Почти половину пространства занимало сколоченное из досок возвышение, напоминающее подиум. На этом «подиуме» лежал, закинув руки за голову, парень, которого уже несколько человек в этом городе, в этой стране и в этом мире знали как Олега Гай Трегрея. И это имя было его подлинным именем.

Глаза Олега были закрыты, и дышал он ровно и размеренно. Но если бы кто-то находился в этой камере, кроме него самого, и если бы этому кому-то пришлось в голову взглянуть в лицо Олегу, он бы сразу убедился в том, что Олег не спал. Ну не может быть у спящего такого лица – собранно сосредоточенного. Подобное выражение застывает на лицах людей, вынужденных разбираться в какой-либо очень сложной проблеме.

Короткая морщинка подрагивала между бровями парня – словно вложенная в тетиву стрелка, нацеленная к переносице.

Неожиданно Олег открыл глаза, и стрелка исчезла с его лба.

Сначала тихо скрипнул щиток дверного глазка. Потом дверь камеры распахнулась. На пороге возник дежурный полицейский, тот самый Саша, который был свидетелем небывалой сцены в рабочем кабинете старшего лейтенанта Ломова.

– Олег Гай Трегрей, на выход, – проговорил полицейский голосом, нарочитая ленца которого явно прикрывала напряжение.

Олег поднялся, спустил ноги на пол.

– Руки за спиной! – предупредил дежурный.

Олег сложил руки за спиной и двинулся к двери. Но полицейский остановил его у двери:

– Лицом к стене!

Парень выполнил и это приказание. Дежурный торопливо надел на него наручники, постаравшись потуже затянуть браслеты. После этого полицейский расслабленно выдохнул и отступил в сторону.

В камеру, толкаясь, ввалились полицейские. Один из них тоже был знаком Олегу – сержант Монахов. Двух других он видел впервые.

– Закрывай, Санек! – скомандовал Леха. – А то дует.

Дежурный вышагнул в коридор и закрыл за собою дверь. Дважды с лязгом провернулся ключ в замочной скважине.

– Вот, мужики, это наш умник-законник, – представил Олега Монахов своим коллегам. – Да ты повернись к нам. Невежливо гостей жопой встречать.

Парень повернулся и коротко, четко поклонился незнакомым полицейским – каждому по разу, произнеся при этом:

– Будьте достойны.

Полицейские весело переглянулись.

– Я ж говорил, он стебанутый, – заметил Леха. – Утверждает, что он этот... дворянин. Прирожденный.

– Я – урожденный дворянин, – сказал Олег. Он смотрел на своих «гостей» безо всякого страха. С серьезным интересом, словно ждал от этих «гостей» какой-то информации, которая поможет ему в разрешении мучающей его проблемы. – О чем предупреждаю вас, господа.

Полицейские дружно заржали.

– Влип ты, ваше сиятельство, – сообщил один из них, грузный мужик с мощными черными бровями, бритый наголо. – Сейчас мы тебе будем семнадцатый год устраивать.

– Золотые слова, Миха, – хлопнул грузного по плечу Леха.

– Чего-то он на геракла совсем не похож, – сказал второй полицейский, невысокий, круглолицый, крепко сбитый казах, – стоило его в браслеты упаковывать? А то ты, Леха, расписал его – прямо какой-то терминатор.

– Я тебе, Нуржанчик, врать, что ли, буду? Навернул мне так, что я с минуту очухаться не мог. Правда, врасплох застал, гад.

– Спортсмен? – спросил Нуржан Олега. – Чем занимался? Боксом, борьбой?

Олег чуть помедлил с ответом.

– Я владею третьим уровнем имперского боевого комплекса, – ответил он. – А также нахожусь на стадии постижения третьей ступени Столпа Величия Духа.

– Чего-о?! – в один голос переспросили Миха и Нуржан.

Олег повторил свой ответ.

– Ну ладно... – сдвинув фуражку на затылок, проговорил Нуржан, – боевик, блин, духовитый... Теперь меня послушай. Ты что сделал? Ты сотрудника полиции унизил. Фи-зи-чески! А за это ответить надо. Я лично ничего против тебя не имею. Но... надо – значит, надо.

– И спасибо скажи, что мы по доброте своей тебя вот так только поучим, – вполне даже участливо присовокупил Миха. – Лучше было бы, если б тебе срок намотали? Применение насилия в отношении представителя власти – триста восемнадцатая статья УК РФ. До пяти лет. Это если по закону.

– Он же у нас законник, – напомнил Монахов и подмигнул Олегу. – Истину ли глаголю, сын мой? Думаешь, я на тебя бумагу не накатал, потому что ты, типа, полицейскому произволу воспрепятствовал? Да хрен ты что докажешь, понял?!

Олег качнул головой.

– Не совершенно разумею, – серьезно ответил он.

– Ага. Ну, так сейчас это... взразумеешь совершенно, – сказал Леха. – Ну что, други мои, начнем воспитательно-просветительную работу?

Он взглянул на своих коллег, но не увидел на их лицах готовности немедленно перейти к задуманной экзекуции. И Миха, и Нуржан озадаченно разглядывали Олега. Его поведение было непонятно им, а потому вызывало опаску. Одно дело, если бы он затравленно скулил в ожидании расправы, или наоборот – воинственно вопил бы, как тот самый Романов. Но начать избиение человека, который держит себя с достоинством, никак не провоцируя на рукоприкладство... На такое способен разве что какой-нибудь отморозок. Сержант Монахов снова развернулся к задержанному.

– Что, сучонок, храбрый? – начал он заново, накручивая себя, чтобы добрать решимости ударить спокойно стоявшего перед ним парня. – Храбрый, я спрашиваю, а? Кто ты такой, говнюк, чтоб нас учить, как нашу работу делать, а? Не много на себя берешь, а?

– Представитель власти, – сказал на это Олег, и его голос зазвучал тверже, – есть поборник закона. Потому никак не должно полицейскому нарушать установленные правила своей работы.

– Чего-о? – выпучил глаза Леха. – Ты совсем дурак, что ли? Ты откуда такой вылез? Этот баран плешивый... Романов виновен – сто процентов! А изгаляется, душу нам мотает! Как ты сейчас! Да я б таких вообще давил без суда и следствия! Неделю, что ли, с ним валандаться? Вмазать разок – и все дела. Быстро все напишет и подпишет! Всегда так было и всегда так будет.

– Нам зарплату такую не платят, чтобы все по закону делать, – поддакнул и Миха. – Законы законами, а жизнь – есть жизнь. Ее в закон не втиснешь. Скажешь, не так, что ли?

– Вестимо, нет, – сказал Олег, и в глазах его мелькнуло удивление. – Неработающие либо неправильно работающие правовые нормы следует бесспорно отменять. Ибо они подрывают уважение к закону и власти.

– Гляди, какой... – проворчал Нуржан. – Прямо из камеры законы отменять собирается...

Сержант Монахов с удовольствием отметил, что отношение полицейских к задержанному изменилось. Теперь наставительный тон речи Олега явно раздражал Миху и Нуржана.

– Ты, что ли, гаденыш, отменять законы будешь? – подхватил Леха. – Или мы? Наше-то дело – десятое. Пусть министры думают, что отменять, а что вводить. Нашелся здесь...

– Если вы ясно разумеете несовершенство правил, – произнес на это Олег, – что вы конкретно сделали, чтобы изменить положение? Вы подавали прошение своему начальству?

– Вот дурак... – усмехнулся Миха. – Начальству что, больше всех надо? Там, наверху, тоже люди сидят. Чего толку в этих... прошениях?

– Почему вы решили, что толку не будет? Вы пробовали ли?

– Не пробовали... ли-ли! – со злобой передразнил Леха Монахов. – Ты, я гляжу, совсем дебил. Что за тараканы у тебя в голове?

Олег вдруг улыбнулся.

– Тараканы в голове? – повторил он. – Интересная идиома... Но сиюминут вернемся в нашей беседе, господа... Практика – есть мера истины. Покуда не приложишь старания попробовать самому – ни в чем не можешь быть уверен. Посему все ваши аргументы – суть объяснение вашей собственной боязливости.

– Боязливости? – нахмурился Нуржан. – В смысле – трусости, что ли?

– Ты кого трусом назвал?! – взвился Монахов, поняв, что ситуация накалилась до нужного градуса. – Ты чего вообще нам здесь... зубы заговариваешь?

– Ты за свои слова отвечаешь? – рыкнул и Миха.

– Бесспорно, отвечаю, – подтвердил Олег. – Ложь противна дворянской чести.

Миха и Нуржан снова недоуменно переглянулись, а сержант Монахов решительно выступил вперед:

– Ну так, значит, огребешь сейчас, придурок полоумный. Стоит здесь... понос нам в уши льет...

Леха шагнул вплотную к Олегу, подняв кулак. Миха и Нуржан чуть отступили, давая товарищу место развернуться. Но ударить задержанного у Монахова снова не вышло. Наткнувшись на прямой взгляд Олега, словно на нож, он вдруг скривился всем телом и, ойкнув, взялся за живот.

– Ты чего, Монах? – спросил его Нуржан. – Прихватило, что ли?

– Обосрался не вовремя! – гоготнул Миха.

Держась за живот и поскуливая, Монахов досеменил до двери и замолотил в нее кулаком. Дверь с лязгом отворилась.

– Чего такое? – сунулся в камеру дежурный. – Вы что, все уже?

Леха шмыгнул мимо дежурного в коридор.

– Что это с ним? – слегка побледнел дежурный. – Что... он с ним сделал?

– Да он его пальцем не тронул, – поскреб щетину на щеке Миха. – Ты-то чего так испугался?

Тот не ответил.

Все трое одновременно повернулись к парню. Олег стоял, чуть покачиваясь. Плотнo стиснутые губы его подрагивали, на левом виске вспухла необычно остроугольным зигзагом, похожим на букву «Z», вена. Олег несколько раз выдохнул и жестом человека, приходящего в себя от сильного напряжения, провел ладонью по глазам.

– Тоже, что ли, заболел? – проговорил Миха.

И тогда задержанный Олег Гай Трегрей выкинул еще одну штуку, чем окончательно оглоушил полицейских. Он вынул из-за спины руки, на одной из которых болтались наручники. Наложил ладонь на удерживающийся на запястье браслет, коротко повернул – и снял его. И протянул наручники дежурному:

– По моему разумению, в них и не было никакой нужды.

– Вот так фокусник... – выдохнул Миха. – Я такое только по ящику видел.

– Ничего не фокусник, – с некоторым сомнением сказал Нуржан. – Просто кое-кто браслеты надевать не умеет. А, Саша?

Дежурный Саша, втянув голову в плечи, снова промолчал.

– Я рад тому, что вы пришли ко мне, господа, – проговорил между тем Олег. – Я и сам желал говорить с вами, но... у меня есть основания полагать, что вы не воспринимаете мои слова на серьезе. И это весьма удивляет меня...

* * *

Под конец рабочего дня старший лейтенант Ломов здорово устал, но домой собираться не спешил – надо было еще поработать с кое-какими бумагами. Да и, честно говоря, не очень-то его и тянуло домой, в пыльную тишину пустой квартиры. Что там делать-то, дома? Прилечь с бутылкой-другой пива перед телевизором? Никита редко позволял себе такое, а, когда позволял, уже через полчаса начинал испытывать смутную тревогу. Ему уже двадцать три года, время уходит, а он ничего такого особенного в своей жизни еще не добился. Ну, старший лейтенант; ну, на хорошем счету... И только-то? Для кого-то это, может быть, и много, но уж никак не для Никиты Ломова. Пройдет каких-нибудь десять лет, и впереди уже замаячит пенсия. Времени мало. Разбег он взял хороший, теперь нужно достойно выдержать дистанцию. А полежать с пивом перед телевизором – это еще успеется...

Он поднялся, потянулся с хрустом и вытащил из-под стола гирию-двухпудовку. Встал напротив открытого окна и, размеренно дыша, принялся жать гирию вверх от плеча.

Обычно подобные упражнения, предназначенные, чтобы придать ясность мыслям и бодрость телу, отвлекали его и успокаивали. Но не сегодня. Из головы старшего лейтенанта все не шел этот странный парень, Олег Га й Трегрей. Кто он такой на самом деле? Действительно душевнобольной или?.. Впрочем, сейчас альтернативу психическому заболеванию Олега Никита придумать не мог. После того, что произошло в его кабинете утром, он сомневался, что на Олеге висит какая-нибудь криминальная история, по причине каковой он и вынужден скрывать свою истинную личность. Скорее всего, парень и вправду болен... Живет в своем собственном мире, в своей этой «империи». Случай, кстати, вполне классический. Раньше психи мнили себя наполеонами и иоаннами грозными, потом – рэмбо и терминаторами, а теперь – эльфами, хоббитами и прочими... грозными воителями всяких межзвездных империй.

«А здорово все-таки он врезал этому балбесу Монахову! – подумал Никита. – Хотел бы я посмотреть, как оно все было...»

Ломов усмехнулся и сбил ритм дыхания. «Качнул» гирию еще пару раз и снова поставил ее под стол.

В кабинет заглянул капитан Шелгунов, сосед старлея по коридору и тоже опер.

– Не ушел еще? – осведомился капитан. – Слушай, у тебя бумаги для принтера нет?

– С возвратом, – сказал Никита, вынимая из ящика стола початую пачку. – Тебе сколько?

– Сколько не жалко, – откликнулся капитан и тут же уточнил, – листов двадцать.

Пока Ломов отсчитывал требуемое количество листов, Шелгунов присел на край стола.

– Черт-те что в конторе творится сегодня, – проговорил капитан, вытирая вспотевшую шею извлеченным из внутреннего кармана пиджака платком. – Слышал, Степаныч уволился? Говорит, какое-то место козырное нашел, но... чует мое сердце, врет он. Рыков на маршрут другой экипаж поставил, Ибрагимов домой спать пошел, а Монах весь день по этажам гуляет, язык чешет. Да, кстати, у тебя-то что произошло?

– У меня?

– Не у меня же... Монах трепанул. Говорит, задержанный барагозил. Молодой, борзый, даже в драку полез. А Монах его, вроде как, угомонил.

Старлей хмыкнул.

– Теперь он, Леха, то есть, мужиков подговорил – малость парня уму-разуму поучить, – продолжал капитан. – Ждали, пока Рыков уедет, а тот все сидит. Ну, не утерпели. Я их вот только в коридоре встретил...

– Что значит – «уму-разуму поучить»?! – вскинулся Никита. – Охренел он, что ли? Это ж мой клиент!.. Если вдруг что-то... меня же подтянут!

– Чего ты так дергаешься-то? – несколько даже удивился Шелгунов. – Монахов не дурак ведь. Следов не оставит. Первый раз, что ли? Так... поучит немного. В натуре, Никита, ну не оставлять же это дело без последствий! Пусть спасибо скажет клиент твой, что дела ему не накрутили. Если каждый начнет кулаками сучить и сотрудников мордовать, как тогда работать будем? Согласен?

С этим Ломов был, конечно, согласен. И, если бы дело касалось какого-нибудь другого задержанного, которым занимался бы какой-нибудь другой опер, Никита на весть, принесенную ему капитаном Шелгуновым, никак бы не отреагировал. Но Олег был – «его клиент». Так что мстительные действия сержанта Монахова вполне могли отрицательно сказаться на репутации Ломова.

И к тому же, этот парень, Олег Га й Трегрей, чем-то зацепил старшего лейтенанта. Неожиданным своим поступком зацепил. Не сказать, что Никита чувствовал к нему симпатию, просто... ему не хотелось бы, чтобы этот парень пострадал. И еще – лейтенант Ломов почему-то был уверен, что с Олегом процедура обучения «уму-разуму» не пройдет так гладко, как с другими. Что-то Никите подсказывало, что зря сержант Монахов связался с Олегом...

– Ну, давай! – попрощался капитан Шелгунов. Взял бумагу и удалился, бросив на прощанье: – Да не парься ты, все нормально будет! Этот народ по-хорошему не понимает. Только по-плохому.

«Не будет нормально», – мысленно возразил капитану Ломов.

Он скорым шагом вышел из кабинета и спустился по лестнице. Уже на входе в подвал, на лестничной площадке, Ломов столкнулся с сержантом Монаховым. Леху мотало из стороны в сторону, он шел, обхватив руками живот, тоненько постанывая.

– Леш! – окликнул его Никита. – Ты... что там у вас такое?

Монахов поднял на старлея глаза, и Ломов увидел, что глаза эти совершенно безумны. Из полуоткрытого рта сержанта поползло, будто фарш, густое хриплое сипение, и тут же смолкло, словно горло намертво стиснул спазм. Потом сержант Монахов подмигнул лейтенанту и доверительно, словно сообщая какую-то тайну, прошептал:

– Тараканы...

– Что?

– Тараканы, – повторил Леха и упер указательный палец себе в лоб. – Тараканы у меня здесь...

Проговорив эту чушь, сержант дико улыбнулся и, снова взявшись за живот, поковылял вверх по лестнице. Ломов проводил его изумленным взглядом и остаток пути до камеры предварительного заключения преодолел бегом.

У открытой двери камеры топтался дежурный, вертя в руках наручники. Завидев лейтенанта, как-то странно пожал плечами и отступил в сторону. Ломов не стал тратить времени на разговор с ним, вошел в камеру и остановился, проделав лишь пару шагов от порога. Встреча с обезумевшим Монаховым подхлестнула воображение лейтенанта, и в уме последнего одна за другой ярко вспыхивали сюрреалистические картины мутных ужасов, могущих происходить сейчас в КПЗ.

Но действительность оказалась куда безобиднее.

В центре камеры, под забранной решетчатым «намордником» лампой, спиной к двери стоял человек, известный старлею Ломову под именем Олег Гай Трегрей. Его спокойно-разъясняющий голос, приглушенный толстыми бетонными стенами, разносился по камере:

– ...как ни несносно вам будет слышать это, но подобные деяния служат только подрыву авторитета власти и самого Государя.

Двое полицейских, стоявших напротив Олега, вид имели растерянный и раздраженный – точно они и сами не понимали, какого черта они все это выслушивают.

– Да о каком государе ты говоришь-то, чумовой?! – рявкнул Миха, едва Олег замолчал. – Совсем, что ли, больной? Ты сам понимаешь, в каком мире живешь? Или полностью поехавши?

– Даже если таковой должности в настоящей системе власти и нет, – не сбился Олег, – в смысловом пространстве место для него и было испокон веку, и доднесь есть, и всегда будет. И посему блюсти честь государства и Государя – наипервейшая обязанность любого служилого человека. Каковыми вы, господа, и являетесь.

Миха, видно, мало что понявший из сказанного, махнул рукой. Нуржан, морща лоб, открыл рот, чтобы что-то сказать, но тут заметил лейтенанта и тоже махнул рукой.

– Я тебе отвечаю, Никита, – произнес Миха, – этот твой клиент реально ненормальный. Его и трогать-то грешно. В дурку его – вот что! Пошли отсюда, Нуржан!

Миха, сплюнув на пол, круто развернулся и вышел вместе с товарищем. А вот Никита ненадолго задержался. Он заметил, как Олег посмотрел в спины полицейским, и глаза парня на мгновение... будто постарели. Как у зверя, внезапно осознавшего, что из западни, в которую он попал, нет выхода. По крайней мере, именно такое сравнение пришло в голову Ломову. Впрочем, взгляд Олега быстро прояснился. Он холодно и четко поклонился Никите – точно так, как и тогда, когда впервые увидел его, – коснулся подбородком ключицы, приложив ладонь к сердцу.

Старший лейтенант не нашелся, что сказать Олегу, и молча вышел. Дежурный запер дверь камеры.

– Чего он вам заливал? – спросил Ломов.

– Да пургу какую-то нес, – ответил Миха.

Они, вчетвером, двинулись по коридору.

– Ну, не так, чтобы уж пургу... – проговорил вдруг Нуржан. – Вроде бы правильные вещи говорил, с которыми не поспоришь. Но... Это как тебе говорят: «Нехорошо гадить на улице!» С одной стороны, конечно, нехорошо. А с другой – куда деваться, когда в радиусе десяти километров ни одного доступного сортира, и при этом все вокруг только и делают, что под кустиками присаживаются? Не в карман же себе класть? Вот так примерно...

Миха было засмеялся, но тут же замолчал. Сверху, сквозь бетонные перекрытия, прорвался в подвал пронзительный крик.

– Монах, что ли? – испуганно прошептал он.

* * *

Когда они бегом добрались до коридора первого этажа отделения, сержант Леха Монахов уже не вопил. Он катался по полу, дрыгал ногами, колотил кулаками воздух и хрипло шипел сорванным горлом. Вокруг него колыхалась негустая толпа из полицейских, сбежавших со всех трех этажей.

– Что смотрите?! – крикнул Нуржан, еще только свернув с лестничной площадки. – Поднимите его! Он же голову себе расшибет!

– Ага, – ответили ему из толпы. – Иди, сам поднимай.

Причину такого нетоварищеского поведения коллег Ломов с компанией поняли, когда подбежали поближе. Миха зажал себе нос и толкнул Нуржана в плечо:

– Накаркал со своими примерами!

Монахов вдруг перестал биться. Лежа на животе в темной зловонной луже, он высоко поднял рыжую голову, отчего стал похож на гигантскую ящерицу, огляделся и прохрипел:

– Тараканы... Тараканы у меня в голове... Вытащите их оттуда! Вытащите тараканов!

– Допрыгался, – проговорил капитан Шелгунов, тоже стоявший в толпе. – Белая горячка.

Кто-то неуверенно хохотнул, но этот смех не поддержали. Среди полицейских взметнулся и тут же истаял шепоток:

– Михалыч идет!

Полковник Рыков с большим черным портфелем в руках широким начальственным шагом подошел к расступившейся толпе. С минуту он разглядывал хрипящего Монахова, постепенно багровея мясистым лицом.

– Сегодня что, магнитная буря, что ли, разразилась? – заговорил он наконец. – С утра самого – все кувыркком! Сержант Монахов, твою мать! Встать!

– Уберите... тараканов... – хрипнул еще тише Леха. – Уберите их совсем из моей головы...

– Допился, болван, – устало констатировал Рыков. – То бутылки в него вселяются, то тараканы...

– Да не пил он сегодня, товарищ полковник, – сказал Нуржан. – И вчера тоже. И вообще, давно за ним такого не замечалось.

– Какого же дьявола он тогда здесь валяется?!

– Помутилось у него, видать, малость, – вступился за сержанта и Миха. – Ну, истерика, что ли... Заразился от того психа. Я слышал, бывают такие штуки – массовая истерия называется.

Монахов вздрогнул, опустил голову и затих.

– От какого еще психа?! – рявкнул Рыков.

Тут навстречу начальнику привычно выступил Ломов:

– Разрешите обратиться, товарищ полковник?

– Обращайтесь, лейтенант.

– Гражданин Олег Гай Трегрей был задержан сотрудниками патрульно-постовой службы Переверзевым...

– Это что за Трегрей такой? – не дослушал Рыков.

– Тот, который отказывался личные данные предоставлять, товарищ полковник.

– Так. Клиент твой. Ночью приехал. Помню. Выяснили личность?

– Никак нет. Сообщил только имя и возраст. И то, и другое, скорее всего, не соответствует истине. Результаты дактилоскопии пока нет. Но... на мой взгляд, товарищ полковник, парень явно болен. Называет себя урожденным дворянином, требует доставить его к какому-

то предводителю, в общем, ведет себя крайне неадекватно. Предварительный медицинский осмотр признаков алкогольного или наркотического опьянения не выявил.

Рыков посмотрел на впавшего в бессознательное состояние Монахова и безглаголиво сморщился.

– Если псих, – сказал он, подняв взгляд на Никиту, – пишите сопроводительную – и в дурку. На хрена он нам тут нужен? У нас своих идиотов хватает... Отнесите эту падаль в медпункт! – снова отвлекся полковник на Леху. – А как прочухается, пусть рапорт на стол мне несет. Вместе с удостоверением... Да и еще! Лейтенант Ломов, в сопроводительной сделайте особую отметку о том, что задержанный – буйный. Поместят в отделение с особым режимом. На тот случай, если что-то по этому Олегу обнаружится – чтобы он никуда от нас не делся. Все понятно?

– Так точно, товарищ полковник!

– Ну, а там как раз и разберутся: сумасшедший он, или только хочет таковым казаться. Вопросы еще есть какие, лейтенант?

– Никак нет!

– Выполняйте!

Когда полковник Рыков покинул коридор, Миха вполголоса сказал Нуржану:

– Чего разбираться-то? И дураку понятно: больной этот Олег на всю голову. Чистой воды псих.

Нуржан как-то неопределенно пожал плечами, ничего не ответив. А старшему лейтенанту Ломову пришла в голову мысль: при случае поговорить с Нуржаном и выяснить подробнее – что и как Олег Гай Трегрей пытался внушить полицейским в камере предварительного заключения?

Глава 3

В служебном коридоре Саратовской областной психиатрической больницы святой блаженной Ксении стоял густой запах хлорки. Быкоподобный санитар, чья наголо бритая голова напоминала синеватый, обточенный водой камень, усадил Олега на скамью и встал рядом. Санитар помолчал несколько минут, оценивающе оглядывая Олега, затем, не спеша, закатал рукава белого халата, обнажив мощные татуированные предплечья, и лениво выговорил:

– Буйный, значит? Ну смотри. Буянить будешь – я те быстро пятки к затылку подтяну. Тут те не ментовка. Тут – порядок, – голос у санитара был неприятно тонкий, с режущей хрипотцой.

Олег в ответ промолчал. Он смотрел на плакат, прикрепленный к стене напротив: «Насмешки, оскорбления и даже побои персонал обязан сносить безропотно, как проявление болезни пациентов». Полосатая пижама, которую выдали парню после посещения помывочной, ощутимо жала.

Вскоре к скамье подошла медсестра, маленькая и полная, похожая на тумбочку.

– Вставай... пошли, – перебив фразу зевком, сказала она и первая двинула по коридору, обмахиваясь листком бумаги и переваливаясь на ходу с ноги на ногу, как утка.

Сопровождаемый санитаром и медсестрой Олег поднялся на второй этаж больницы. Пахло здесь еще отвратительней – к резкой до свербения в носу вони хлорки примешивались запахи застоявшегося табачного дыма и мочи. Сомнамбулически бродившие по этому коридору люди в таких же, как у Олега, матрасно-полосатых пижамах, при появлении персонала медленно и заученно выстроились вдоль стен, крашенных мутно-зеленой масляной краской. Кому не хватило места у стен – втянулись в палаты. Входные двери в палатах отсутствовали; о том, что они когда-то там были, говорили сохранившиеся на косяках петли.

За поворотом Олегу и его конвоирам преградила путь решетчатая стена от пола до потолка, отсекавшая лежащий впереди участок коридора. Высоко на этой стене, под самым потолком, поблескивала металлическая табличка: «Отделение усиленного надзора». По ту сторону решетки стоял стол с допотопным дисковым телефонным аппаратом.

Санитар громыхнул кулачищем по прутьям запертой на громадный навесной замок двери в центре решетки. Затем шагнул к стене и нажал кнопку звонка. Где-то в глубине полутемного коридора глухо затрещало.

Спустя пару минут из полумрака выплыла невообразимых размеров бабища, завязывая на ходу поясок халата.

– Все гуляем, Зина? – осведомился санитар.

Буркнув что-то невразумительное, исполинская Зина просунула пухлые руки между прутьями и отперла замок.

– В какую? – спросила она, когда Олега ввели в отделение.

– В седьмую, – ответила медсестра, кладя на стол бумажный листок.

Зина протянула санитару ключ с привязанным к ушку грязным обрывком бинта резиновым номерком. В отличие от всей прочей больницы, палаты отделения усиленного надзора были снабжены дверями.

Седьмая палата оказалась последней перед поворотом, через несколько шагов за которым коридор заканчивался тупиком.

Отперев металлическую, снабженную глазком дверь, отличавшуюся от двери КПЗ только тем, что она была покрашена не зеленой, а белой краской, санитар втолкнул Олега в палату.

Парень по обыкновению коротко поклонился, но никто – ни находящиеся в палате, ни санитар – на его поклон никак не отреагировали.

Палата была небольшой, в одно окно (конечно, зарешеченное), на четыре койки. Две койки у окна оказались заняты. На одной лежал похожий на труп иссохший старик с восковым лицом, на другой сидел, несуразно поджав под себя ноги, мужик средних лет, обрюзгло толстый, в грязной и рваной пижаме. Толстяк этот мелко тряс косматой головой и тупо, явно ничего не видя, смотрел прямо перед собой.

Санитар подвел Олега к одной из свободных коек. На крайних продольных скобах этой койки (как и на других койках, впрочем) были закреплены широкие кожаные ремни, по два с каждой стороны – для рук и для ног.

– Ложись, – проговорил санитар и зевнул. – Щас я тебя... зафиксирую...

– Это столь необходимо? – спросил Олег.

– В сопроводилке написано – буйный, – пояснил санитар. – А кто проверять будет, я, что ли? Врачи только в понедельник появятся. А сейчас у нас что? Правильно, суббота. Полежишь немного, отдохнешь... Укольчик тебе сделаем. А к обеду отвяжем. Правила такие в надзорке. Ложись, говорю. Или помочь?

– Не стоит, – сказал Олег и улегся.

Верзила-санитар прикрутил руки и ноги парня к койке. Отступил, вроде как полюбовавшись своей работой. И, словно вспомнив о чем-то, цокнул языком:

– На толчок тебя сводить надо было... Прямо из головы вылетело. Ну ладно, потерпишь до обеда.

Отворив незапертую дверь, в палату вошла медсестра со шприцем.

– Мне угодно знать, что это за препарат, – приподнял голову Олег.

– Ишь ты... угодно ему... – безразлично усмехнулся санитар.

– Хлорпромазин, – сказала медсестра.

– Мне угодно знать фармакологические свойства этого препарата, – не отставал Олег.

Медсестра насмешливо посмотрела на привязанного к койке парня:

– Ну, послушай, если угодно. Хлорпромазин блокирует рецепторы дофамина в гипоталамусе и ретикулярной формации, контролирует чрезмерную моторную и психическую активность, контролирует мышечный спазм, потенцирует действие анальгетиков, снотворных, алкоголя... Что еще? Обладает также слабым атропиноподобным, антигистаминным, ганглиоблокирующим и хининоподобным действием. Достаточно, сударь?

Санитар хихикнул.

– Я вообще только два или три слова понял! – сообщил он.

А Олег, выслушавший медсестру внимательно, проговорил:

– Вполне достаточно. Но этот препарат мне не надобен.

– Какие пациенты умные пошли! – изрекла медсестра. – Скоро они нас лечить начнут, а не мы их... – и наклонилась, чтобы сделать укол.

Резким рывком Олег поднял правую руку. С хлестким щелчком лопнул в месте прострочки прочный кожаный ремень на скобе. Санитар, вскрикнув, отшатнулся. Медсестра в изумлении уставилась на свою пустую ладонь, в которой только что был шприц. А потом, разинув рот, посмотрела на парня, держащего в кулаке этот шприц. Олег ловко перебрал пальцами, надавил на поршень, выпустив тонкой струйкой из иглы весь препарат без остатка, и протянул шприц обратно медсестре.

– Я ведь говорил – мне не надобен этот препарат, – веско произнес он. – Я совершенно здоров.

– Ты офонарел, козел?! – кинулся было к Олегу санитар, но... остановился на полпути. Видно, сообразил, что человек, с легкостью порвавший *такой* ремень, способен оказать очень даже не слабое сопротивление.

Впрочем, Олег не выказывал никакого намерения подраться. Он спокойно улегся, удобно положив освобожденную руку под голову. Медсестра, ни слова больше не говоря,

выскользнула за дверь. А санитар отошел на несколько шагов, поскреб пятерней бритую макушку и снова вернулся к койке.

– Ты это... братан... – неуверенно начал он. – Ты это... косишь, что ли?

Олег повернулся к нему, непонимающе сощурился.

– Ну, в смысле – не в натуре псих, а просто косишь под психа? – уточнил санитар. Выдержал паузу, на протяжении которой всматривался в лицо парня. – Не переживай, братан! – заговорил он быстрее и четче, вероятно, утвердившись в своем прозрении. – Я тут давно работаю, а ты не первый такой пациент. Недели две назад одного парнягу выписали. Ну, как водится, ментам на лапу сунул, и сюда отдыхать приехал. Главврач тоже от него свое получил. Сто одиннадцатая – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – парняге маячила. Веселый пацан был. Мы тут с ним сла-авно зажигали...

Он коротко оглянулся на больных и махнул рукой:

– При этих придурках можешь свободно говорить. Все равно ничего не соображают. Как тебя, ты говорил, зовут? Меня – Егор.

– Олег Гай Трегрей, – представился Олег, пожимая протянутую руку.

Санитар Егор, хмыкнув, игранул бровями, показывая, что прекрасно понимает: имя парень назвал явно вымышленное.

– Повезло тебе, Олежа, – ласково проговорил Егор, – что я тут работаю. Если чего понадобится – что угодно – курево, пиво, водка... ну или... посерьезней чего, сразу ко мне. Я все достану. Ну, сам понимаешь, не за просто так... А кормят тут нормально. И хавчик человеческий, и порции большие. Я уж на что – вон какой – мне двух порций за глаза хватает... Так, значит, по рукам, Олежа?

Олег внимательно смотрел на него.

– Вы напрасно полагаете меня скрывающимся от правосудия преступником, – сказал он.

Санитар подмигнул ему и усмехнулся – уже несколько укоризненно. Мол, чего там осторожничать, я же все-таки свой человек. Со всей душой к тебе, а ты не веришь...

– Но если вам угодно услужить, примите, пожалуйста, просьбу...

– Ага! – наострился Егор. – Валяй. Какую?

– Мне надобны газеты и книги. Какие угодно и как можно больше.

Егор захлопал глазами:

– И только-то?... Ладно, посмотрю сейчас. В комнате отдыха чего-то такое валялось. Или в магазин смотаюсь, на крайняк. А ты, братан, отдыхай. Насчет препаратов не беспокойся. Витаминчики будешь принимать, я подшустрою. Пока Адольф Маркович не вышел, главврач наш. Он уже в курсе насчет тебя или пока нет?

– Этого я не могу знать наверное, – ответил Олег. Взгляд санитары отвердел настороженностью. Но – только на мгновение. Потом, вероятно, Егор вспомнил о том, какое преимущество дарит прислуживание состоятельным пациентам-псевдобольным, и эти сладкие воспоминания затмили возникшее было подозрение. Он снова улынулся Олегу:

– Ну, если еще не знает, так узнает скоро. Пойду я, Олежа...

У самой двери он душераздирающе зевнул и сказал, обернувшись:

– Спать охота – сил нет. Прямо с ног ведет. Больным же нейролептики колят, испарения потом по всей больничке... За то и надбавка за вредность нам, персоналу, полагается. Отдыхай, братан, я скоро...

* * *

Вернулся санитар через час. Он приволок с собой целую кипу газет – и старых, и относительно свежих, несколько сильно потрепанных журналов «Советская психиатрия», пару

детективов в ярких обложках, с которых целились из пистолетов в читателя железноскулые хмурые парни, и толстенный том без обложки.

– Вместо ножки у шкафа был, – пояснил Егор происхождение тома, усаживаясь на край кровати с явным намерением поговорить.

Олег (к этому времени он освободился от ремней, удерживающих его ноги и левую руку) сел на кровати. Первым делом он взялся за газеты. Принялся ловко тасовать их, рассортировывая заново.

– Почитать любишь? – начал санитар. – Тот, который до тебя был, не очень-то читал... Я ему ноут подогнал, мы фильмы смотрели. Само-собой, под пивасик или дудку. А что тут еще делать-то? Эти-то пассажиры... – он кивнул на двух других больных, – всю дорогу в коматозе. Как мебель. Пару дней полежишь, вообще на них внимание обращать перестанешь. А дня через три их отсюда в обычное отделение переведут. На самом деле в надзорке... то есть, в отделении усиленного надзора – спокойнее всего. Никто по коридорам не шлендает, палаты запираются. Пациенты или обколотые, или к кроватям привязанные. Сюда только тех конопатят, кто набарагозил лишнего. Ну, вроде как карцер в тюрьме. Хотя условия другие, конечно... Тишина и мир... – он замолчал, с удивлением обнаружив, что Олег переложил газеты в новую стопку. Внизу оказались более свежие, наверху – старые, порванные и измятые.

Закончив сортировку, Олег раскрыл газету, которой только что завершил стопку. Не больше секунды он вглядывался в текст, затем перевернул страницу... и еще через секунду перевернул другую.

– А ты что делаешь, Олежа? – осведомился санитар. – Картинки, что ли, смотришь?

– Я читаю, – не поднимая глаз, ответил ему парень.

– Так быстро?

– Это метод масштабного чтения, – оторвавшись от газеты, сказал Олег. – Разве он не знаком тебе?

– Да не... первый раз слышу.

– Постигнуть этот метод не представляет исключительной сложности. Вперво ты учишься видеть разом одну, две либо три строки. Засим – половину страницы. Спустя время – целую страницу, и к концу – весь разворот, – объяснил Олег. – Испробуй.

Он протянул санитару газету. Тот встряхнул ее и, сморщившись, зашевелил губами.

– Не так! – сразу остановил его Олег. – Ты разбираешь каждое слово. Так читают только малые дети. Ты, видно, дурно учился?

Егор нисколько не обиделся. Хмыкнул и вернул газету.

– Нормально учился, как все, – сказал он. – Даже, может, и получше других. Девятилетку, между прочим, кончил...

Олег кивнул и снова взялся за чтение. На каждую газету он тратил около восьми-девяти секунд.

– И что – все запоминаешь? – понаблюдав немного, решил задать вопрос санитар.

– Вестимо.

– Прикольно! – оценил Егор. – Слушай, я давно хотел спросить: а чего ты так странно разговариваешь?

Олег как раз расправился с очередной газетой. Ему осталось прочитать менее половины стопки, которая, когда он начал, была в локоть высотой.

Он посмотрел на санитаря прямо, чуть сощурившись. Выпукло обозначился на его виске венозный зигзаг. Олег очень медленно проговорил:

– Ужели тебя это так занимает, Егор?

Егор мигнул несколько раз подряд и ответил, интонируя речь точно так же, как Олег:

– Нимало меня это не занимает.

– Хорошо, – улыбнулся парень.

Санитар дернулся, тряхнул головой и провел рукою по глазам.

– Черт... – сказал он, – башка закружилась. Все от испарений... Хрена ли нам надбавки эти? Здоровье не купишь... О чем мы говорили-то?

– Ты имел милость уведомить меня, что близится время обеда.

– А, ну, да... Через час, даже скорее. Это отделение в столовку не ходит, мы прямо сюда хавчик привозим. Так что – обслуживание тут первый класс. Ну, лады, давай тогда, до встречи...

* * *

В очередной раз санитар Егор наведлся в палату к Олегу накануне ужина. Принес целлофановый пакет, полный книг, газет и журналов, и эмалированный чайник, из короткого изогнутого горлышка которого поднимались тонкие струйки пара.

– Вот, братан, пользуйся, – сказал он, шлепая пакет на койку и ставя чайник на подоконник. – А это – забирать? – указал Егор подбородком на тумбочку, где громоздилась немалая башня уже прочтенных Олегом печатных изданий.

Получив утвердительный ответ, санитар принялся наполнять только что опорожненный пакет. Справившись с этим, проговорил:

– Гляди, чай спроворил. Не такой, как в столовке, а нормальный – крепкий, горячий, с сахаром, с молоком. Я в Казахстане служил, на Байконуре. Там научился у местных чай заваривать – прямо в чайнике. По-хорошему, надо бы с кобыльим молоком, а не с коровьим, но где ж его взять – кобылье-то?... Будешь?

– Пожалуй, – согласился Олег. – Не откажусь, – и снова принялся первым делом рассортировывать газеты.

– Все, это последняя порция, – сказал санитар, – со всей больнички сгреб бумажки эти. Больше нет. Любишь ты почитать...

– Да, – согласился парень.

– Не пойму все-таки, Олеж, – хмыкнул Егор. – Обычно люди если что-то любят – занимаются этим с чувством, толком, расстановкой, как говорится. А ты – будто голодный еврей на мацу – на эти книжки накидываешься. Прямо без передыху – одну за одной.

Олег поднял голову и потер покрасневшие глаза. Кажется, непрерывное чтение несколько утомило его.

– Очутившись в незнакомой ситуации, в первую голову следует с наилучшим тщанием изучить эту ситуацию, – туманно высказался он. – А уж засим – изыскивать пути выхода.

– Как это? – непонимающе наморщился Егор.

Олег улыбнулся.

– Зачитался, что ли? – усмехнувшись на эту улыбку, проговорил санитар. – Во, о чем я и говорю. Хлебни чайку, расслабься...

Егор вытащил из карманов халата два небольших стакана из мягкого пластика, разлил по ним чай. Поднимая свой стакан, охнул – пластиковые борта смялись, обжигающая жидкость плеснула на пальцы.

– Гадство... – зашипел он сквозь зубы, поспешно ставя стакан обратно на тумбочку. – Год назад один больной разбил чашку и осколком вены себе вскрыл. Придурка-то спасли, а вот бьющую посуду с тех пор запретили строго-настрого. И железные кружки заодно – чтобы психи черепа ими себе не проломили ненароком. Вот и пьем из такого дерьма. Одно время одноразовые стаканчики были в ходу, но они того... надолго их не хватает, в общем.

Олег с видимым удовольствием пил чай, удобно устроившись на койке, привалившись спиной к стене, и слушал Егора.

– А так-то здесь неплохо, в больничке-то в этой, – ободренный вниманием парня, продолжал санитар. – Зарплата, конечно, грошовая, зато работа непыльная.

Словно иллюстрируя свои слова, Егор подошел к старику на соседней койке, наклонился, прислушался.

– Живой пока что, – констатировал он. – Такие хрены замшелые часто во сне загибаются. Утром зайдешь – а он уже холодный. Только... замшелый-то он замшелый, а на прошлой неделе медсестру покусал в столовке. Да так, что швы ей накладывали.

Проговорив это, Егор, видимо, на всякий случай покосился на толстого мужика, который все так же безмолвно тряс головой, разглядывая на голой стене то, что было видно только ему самому.

– К тому же, – закончил Егор, подмигнув Олегу, – хоть зарплата и грошовая, всегда подработать реально. А?

– Возможно, – сказал Олег. – Как же?

– А то ты не понимаешь, братан! – захихикал санитар. – У нас же препаратов на армию наркологов хватит. А как списать их, препараты, последний даун догадается. Самое простое – лекарства подменить или вообще пустой физраствор колынуть. Но это так – мелочевка. Главные дела повыше делаются, – он многозначительно указал пальцем в потолок. – У нас коллектив дружный подобрался. Потому и живем хорошо.

Олег пошевелился. Между бровями у него вновь обозначилась короткая и острая, как стрелка, морщинка.

– Не опасливо ты рассказываешь о своих деяниях, Егор, – медленно проговорил он, внимательно глядя на санитаря. – Что мне удивительно.

– А чего ж бояться?! – усмехнулся тот. – Я же и говорю, коллектив у нас дружный подобрался. Да и ты пацан честный; по всему видно, не сдашь...

– Честный, потому и не... сдам? – немного озадаченно произнес Олег. – На серьезе говоришь ли?

– А то! – сказал санитар. Вдруг в глазах у него снова мелькнула искорка подозрительности, которая тут же и погасла. – На понт берешь, что ли? – расхохотался он. – Ты ж сам что тут делаешь-то? Не от тещи ведь прячешься? А? Твои-то дела, наверное, посерьезнее наших будут, а?

Олег не поддержал его веселья.

– Жалованье – есть достойное награждение наших умений и стараний, – сказал он. – Кои всегда можно развить. Тем самым заслужив и более высокое жалованье.

– Чего-о? – усмешливо протянул Егор. – Иди – заслужи! Вон, врачи – с высшим образованием, а чуть побольше меня получают. Ты прямо как маленький, братан. У нас тут везде так: чтобы хоть что-то иметь, нужно похитрить и покрутиться.

– Мне сиюминут пришло на мысль, что ты полагаешь государство недругом, у коего блага надобно скрытно похищать?

Санитар недоуменно посмотрел на парня, потом опять расхохотался:

– Прикалываешься! С такой серьезной рожей еще... А что ж мне это твое государство – другом, что ли, это самое... полагать? Государство само по себе, а мы – сами по себе. Государство тебе это кто? Добрый дядя, в Кремле сидящий? Государство – это такие же люди, как и мы... ну, которым еще и повезло больше. Они ведь понимают, что на наши зарплаты нам ни в жизнь не прожить... Они, как и мы, тоже жрать хотят, правда, аппетит у них куда больше нашего. И они хитрят и крутятся, потому что тоже на одну зарплату жить не хотят. И все всё понимают. Такая вот нор-маль-на-я система. Ладно... – свернул он тему. – Я вот чего хотел сказать: я на выходные сменяюсь, выхожу только в понедельник. Если что тебе надо, ты мне заранее скажи. Вот до вечера подумай и скажи, а я притараню в свою смену. А то на выходные Кузин выходит, а он того... неповоротливый. Чего посулится сделать – обя-

зательно спалится, как тот дурак, которого Богу заставляют молиться. Ну, не приспособлен Кузин для таких дел, братан, не приспособлен. Да и напарник его, надо сказать, далеко от него не ушел. И вообще, Олежа, тебе повезло, что ты меня вовремя встретил. Я тут вернее всех на теме сижу. Так что – только ко мне обращайся, от души тебе говорю. Договорились, Олежа? – осведомился санитар Егор, кося в сторону, наверно, для того, чтобы нельзя было прочесть в его глазах неглубокую подоплеку сказанного – что он просто не хотел делить ни с кем предполагаемые барыши.

– Благодарю тебя, но я более ни в чем не нуждаюсь.

– Вона как! Ну, ты подумай все равно. Ладно... Мне сейчас идти надо, а ночью... Я тебе, братан, та-акой сюрприз приготовил – умрешь! Отвечаю, Олежа, тебе понравится.

С хлюпаньем втянув в себя остатки чая, Егор сунул стакан в карман и направился к двери.

– Жди, братан! – обернувшись на пороге, торжественно провозгласил он.

Несколько минут Олег размышлял, поглаживая подбородок. Потом снова взялся за чтение.

* * *

Егор явился к полуночи, когда Олег как раз покончил с последней порцией чтива. Санитар выглядел возбужденным. Он то и дело хихикал, просто так, без причины; подмигивал парню и щелкал пальцами.

Они покинули палату, прошли по коридору. Равнодушная великанша Зина отперла им решетчатую дверь отделения.

Первым поднявшись этажом выше, Егор обернулся к Олегу:

– А тут у нас столовая.

На том месте, где должна была быть дверная ручка, в двери красовалось аккуратное отверстие. Санитар извлек из кармана желтую никелированную ручку, вставил, повернул, толкнул открывшуюся дверь... пропустил в столовую парня и щелкнул выключателем. Яркий желтый свет явил просторную комнату, уставленную столами, на которых ножками вверх помещались стулья. Черные окна снаружи были защищены решетками. Зарешеченным оказалось и окошко раздачи.

– Вот мы и на месте, – сказал санитар, снимая со стола один из стульев, – присядь пока, братан. Подожди меня, я быстро. Только я запру тебя. Не в обиду, а сам понимаешь – мало ли что...

Ждать Олегу пришлось недолго. Минут пять спустя дверь открылась. Но не санитар Егор вошел в столовую. Опустив голову, охваченную бинтовой повязкой, из-под которой свисали лохмы грубо обесцвеченных волос, порог медленно и неуверенно перешагнула девушка в длинном халате из такой же серой в синюю полоску ткани, что и пижама Олега.

Парень вскочил, поклонился. Егор, бесцеремонно втолкнув замешкавшуюся на входе девушку, вошел следом и запер за собою дверь.

– Принимай гостей! – хохотнул санитар.

Рядом со здоровенным Егором гостя смотрелась совсем девочкой. Да она и была девочкой, лет пятнадцати-шестнадцати – как убедился Олег, когда она подняла перебинтованную голову. Черты лица ее были наивно-детские, нежные – какие-то кукольные, и оттого несуразным несоответствием смотрелась и нелепая повязка-шапочка, и выглядывавшие из-под нее изуродованные перекистью волосы.

– Знакомьтесь! – скривясь ухмылкой, предложил Егор, для чего-то освобождая ближайший стол от стульев.

– Олег Гай Трегрей к вашим услугам, сударыня, – проговорил парень, снова поклонившись.

Полуоткрытый рот девочки не дрогнул в ответ на приветствие. Олег, нахмурившись, шагнул ближе, заглянул ей в глаза. Окаймленные темными кругами подкожного кровоизлияния глаза девочки оказались пусты и совершенно безмысленны.

– Да не расшаркивайся перед ней, братан! – подсказал санитар. – Сейчас-то под психа косить необязательно – перед ней-то. Я ей галоперидола дозняк кольнул, она не понимает ни хрена. Вон – еле шевелится.

– В таком случае... – спросил его парень, продолжая внимательно всматриваться в лицо незнакомки, – зачем она здесь?

– Прикидываешься или правда не понимаешь?

– Не понимаю, – признался Олег. Вонзив взгляд в глаза девушки, он вытянул руку и коснулся ее щеки. Незнакомка шевельнулась лишь тогда, когда он отнял руку – настолько заторможенны были ее реакции. – Чем она больна?

– Да ничем, – хмыкнул Егор, заложив могучие руки за спину, чтобы развязать тесемки халата, – ее из травмпункта привезли... за день до тебя. Прямо у дверей там валялась с разбитой башкой. Наверно, из машины выкинули. Ни черта не помнит – кто она, откуда, зачем. Башку просветили, вроде ничего такого серьезного не обнаружили. Решили, что шок, и вследствие этого – временная амнезия. К нам отправили. Ну, в понедельник ее Адольф Маркович посмотрит, там дальше решится. А пока она в бессознанке – грех такое дело упустить.

Санитар снял халат, обнажив широченную волосатую грудь и выпуклое брюхо. Пошарил в кармане джинсов, вытащил упаковку презервативов.

– Свеженький бабец, – пробормотал он, вскрывая пачку. – Небось, еще несовершеннолетняя, а уже на тачках катается со всякими... озорниками. Шалава малолетняя. Ты чего столбом стоишь, Олеж? Снимай с нее халат, да укладывай на стол. Не бойся, я ее после ужина в помывочную сводил. Да и гинеколог ее осматривал при поступлении, она чистая. Эти озорники ее даже не попользовали. Видать, брыкалась чересчур – потому и получила по тылке. Да и резинки у меня есть...

Кажется, только сейчас до Олега дошло, в чем же именно заключается обещанный ему сюрприз. Лицо парня исказилось.

– Я решительно это возбраняю, – сказал он.

Он хотел что-то еще добавить, но... видимо, не нашел слов. Или понял, что слова тут излишни.

Удар, который он нанес санитару Егору, был молниеносен и жесток. Здоровенный детина, не успев понять, что произошло, получил боковой в челюсть – его развернуло на сто восемьдесят градусов, и он рухнул спиной вперед прямо на Олега. Тот в самый последний момент, кажется, инстинктивно, подставил ногу под затылок Егора, что и спасло санитаря от неминуемой тяжелой черепно-мозговой травмы.

Девушка с запоздалым испугом медленно закрыла лицо руками и отступила в угол.

Олег подошел к ней. Минуту он внимательно вглядывался в ее лицо, отведя для того ее руки, затем еще несколько минут круговыми движениями водил ладонями над забинтованной головой девушки. Остановившись, парень с явным неудовольствием нахмурился.

Впрочем, странные манипуляции Олега все же возымели какое-то действие. Взгляд девушки несколько прояснился. Она огляделась, увидела неподвижно громоздящуюся на полу тушу санитаря и вздрогнула.

– Не бойтесь, сударыня, – мягко приглушив голос, проговорил Олег. – С этой минуты никто более вас не обидит, клянусь честью, – он чуть запнулся, явно припоминая усвоенную недавно формулировку. – Я отвечаю за свои слова.

Девушка молчала.

– Как зовут вас? – осторожно спросил ее парень.

Она несколько раз моргнула и чуть слышно ответила:

– Не помню...

Олег немного подумал, затем взял ее за руку.

– Пойдемте, сударыня, – сказал он. – Вам надобно отдыхать.

* * *

Этой же ночью еще два сотрудника областной психиатрической больницы испытали настоящее потрясение.

Во-первых, охранник Вова. Его, мирно дремавшего на проходной, разбудили бесцеремонным толчком в плечо. Испуганно вскинувшись, Вова увидел перед собой пациента в полосатой пижаме. Пациент тут же принялся строго выговаривать ему, пеняя на служебное нарушение. Речь пациента была странна – хорошо знакомые, общеупотребительные слова в ней мешались с какими-то малопонятными. Вова подумал, что он еще спит, поэтому и решил досмотреть диковинный сон до конца. И «снилось» ему дальше, что пациент повел его на второй этаж, в столовую, где на полу сидел, держась рукой за вспухшую челюсть, санитар Егор. В столовой псих в пижаме разразился еще одной речью, из которой охранник Вова понял, что Егор покушался на чью-то честь. Причем сам Егор косноязычно скулил на тему, что больше никогда так поступать не будет и умоляет его простить. Тут Вове неожиданно ударило в голову: все, что происходит с ним, происходит на самом деле, и никакой это не сон. Он вытаращился на нахального психа, потянулся было к дубинке на поясе, но заметил, что санитар молча и отчаянно сигнализирует ему: мол, не перечь. Вова, по своей натуре не отличавшийся сообразительностью, разинул рот и почесал затылок. Но парня в пижаме на всякий случай трогать не стал. Когда пациент покинул столовую, оставив его наедине с Егором, последний в ответ на законный вопрос: «Что такое творится?» – поморщился и пробурчал:

– Не твоего ума дело. Иди, досыпай. Сам разберусь. И никому ни слова, понял?

Охранник Вова сказал, что понял, и побрел обратно на пост.

Во-вторых, дежурная медсестра Зоя Петровна. Отворилась дверь в сестринскую. Подняв глаза от газетки со сканвордами, Зоя Петровна с удивлением увидела, как в кабинет входят новенькая из женского отделения и незнакомый (видимо, тоже новенький) молодой пациент.

– Эт-то почему мы гуляем?.. – начала Зоя Петровна, но не закончила.

Станный пациент, поклонившись, шагнул к столу медсестры и вдруг, ни с того ни с сего, начал говорить – тоном, каким обычно читают лекции. Сначала Зоя Петровна даже подумала, что этот парень – вовсе не пациент, а какой-нибудь невесть откуда взявшийся интерн, по каким-то причинам переодевшийся в пижаму... Мало ли чего бывает. Даже главврач Адольф Маркович, на памяти Зои Петровны, как-то раз, когда больницу ремонтировали, полдня щеголял в брюках от больничной пижамы, потому что на него бестолковый рабочий банку олифы опрокинул... Тем более, что говорил парень очень даже толково... правда, несколько странно интонируя и малость необычно складывая слова в фразы.

– Диссоциативная амнезия, – наставлял парень хлопавшую глазами Зою Петровну, – имеет причину психологические или эмоциональные перенапряжения. И заглавное место в лечении отводят психотерапии, тогда как лекарственная терапия играет незначительную роль...

Но когда парень в пижаме, закончив вещать, адресуясь к ней, обратился уже к пациентке с вычурными прощаниями и заверениями, что он, дескать, теперь берет ее под свою

защиту и в конце даже поцеловал в поклоне вялую руку больной, Зоя Петровна поняла, кто перед ней.

Вслед за этой парочкой она вылетела из сестринской с намерением позвать санитар, но тут же крик застрял в ее глотке. Потому что медсестра увидела Егора, идущего по коридору, пошатываясь и держась рукой за лицо. Парень, проводив девушку до дверей женского отделения, спокойно двинулся по направлению к отделению мужскому, причем Егор шарахнулся от него, прижавшись к стене.

– В чем дело-то? – только и проговорила Зоя Петровна, когда санитар добрался-таки до сестринской. – Семен в комнате отдыха спит, позвать, что ли?

– Не надо... – едва шевеля челюстью, прохрипел Егор. – Все нормально...

– Как нормально? – не понимала все еще медсестра. – Да ты что? С какой стати больные разгуливают по больнице?

– Нормально, я сказал! – зарычал Егор. – С этим субчиком... потом поговорю... я сам, лично. Что он тебе говорил?

– Да он на тебя бросался?! Что с мордой?

– Ничего с мордой... – ответил санитар, трогая пальцами зубы. – Никто на меня не нападал. Что он тебе говорил, я спрашиваю?

– Чушь всякую нес... Доктором он себя возомнил, что ли?

– А она? Она говорила что-нибудь?

– Да что случилось-то в конце концов? Он говорил, она говорила... Ты в зеркало на себя посмотри – на кого похож!

– Я сам упал! – отрезал Егор. – Все, Петровна, отбой. Работай себе... И это... Помалкивай, ладно? Я в долгу не останусь.

Не удивилась только великанша Зина, восседавшая на страже надзорки. Заранее предупрежденная Егором об особом статусе нового пациента, она без разговоров отперла парню дверь и пропустила в палату. После чего вернулась на свое место, зевнула во весь рот и погрузилась в привычную дрему.

* * *

Утром в понедельник на лестничной площадке первого этажа Саратовской областной психиатрической больницы святой блаженной Ксении курил санитар Руслан Кузин. Настроение у Кузина было прекрасное: смена кончилась, и на законные выходные у санитаря планировалась рыбалка. К тому же в багажнике его «шестерки», стоявшей на больничном дворе, потихоньку подтаивали пять кило замороженных куриных окорочков, лежали литровая банка молока, несколько буханок хлеба... ну и еще кое-что по мелочи – чем, как обычно, удалось разжиться на кухне. Санитар Руслан Кузин поигрывал необычно большим и тяжелым металлическим брелоком, мурлыча себе под нос. Заслышав внизу частые приближающиеся шаги, он перегнулся через перила и увидел своего сменщика, Егора.

– Здорово! – бухнул в лестничный пролет Руслан.

Тот поднял голову, ненароком продемонстрировав громадный синяк на левой скуле – сине-черный, по краям уже начавший желтеть.

– У-у, какой красивый! – весело оскалился Кузин. – Зубы все целы?

– Здорово, – пробурчал Егор, проигнорировав замечания относительно внешнего вида и целостности зубов.

– А я уж слышал, что ты с новеньким схлестнулся, – радостно сообщил Кузин.

Егор остановился, потянул из кармана сигареты. Он не сомневался, что удержать в тайне происхождение синяка на скуле не удастся, и надеялся только на то, что хотя бы о причине ночного происшествия никто не узнает.

– Угораздило тебя, – продолжал балагурить Кузин. – Надо ж все-таки в людях разбираться, Егорша, а не размахивать руками направо-налево, как ты обычно делаешь. Олег ведь... – он понизил голос, – не простой пациент.

– Это кто сказал? – наструнился Егор.

– Да все наши говорят. Зина... Ну, все, короче... А ты разве не знаешь?

Пострадавший санитар испытал могучий приступ злобной досады при мысли о том, что сам же этот слух об Олеге и пустил. Он скрипнул зубами и тотчас скривился от боли в челюсти.

– Адольф Маркович его смотрел, что ли? – прикурив, спросил Егор.

– Как полагается, – кивнул Руслан. – Сегодня с утра. Его и другую новенькую из женского отделения. Настю...

– А с чего ты взял, что она Настя? Она же не помнит ни хрена – амнезия же у нее...

– Ну вот – вспомнила. Это Олег с ней нянчится. Прямо как врач заправский, – ответил Кузин, усмехнувшись.

– И... что же она вспомнила? – спросил Егор, несколько изменившись в лице.

– Да немного, – беспечно ответил Руслан. – Имя только... И какие-то еще мелочи. Я точно не знаю. А! Отчество вспомнила. Прикинь, какое у нее отчество: Ам... Амвросиевна! Во, нарочно не придумает.

Егор расслабился.

– Ну, а с этим-то что? – осведомился он. – С Олегом-то?

– Шизофрения, что еще... – пожал плечами Кузин. – Отрицание реальности, идея высокого происхождения – дворянином себя считает... Смотрит на всех, как на дерьмо гусиное. Ну и так далее. Из надзорки его, кстати, перевели.

– А... это... Слышь, Руслан, насчет Олега Маркович особых указаний не давал? – осторожно поинтересовался Егор.

Тут Руслан Кузин многозначительно поднял брови и заговорил почти шепотом:

– Тут, Егорша, такое дело. Маркович, конечно, никаких указаний не озвучивал. Обычное лечение назначил. Но... препаратов Олегу не давай. Не надо. Не нравятся ему препараты. Говорит, что здоров. И Насте, он говорит, препараты не нужны... – он прервался, чтобы затянуться сигаретой.

Егор хмуро уставился на Кузина, ожидая продолжения.

– Гляди! – сказал Руслан, подкидывая на ладони свой брелок.

Егор присмотрелся к брелоку и открыл рот. Никогда раньше санитару не приходилось видеть массивную пряжку армейского ремня, перекрученную несколько раз на манер диковинной металлической бабочки.

– Понял? От моего ремня-то. Олегу укол пошли делать, он воспротивился. Меня позвали, я ему навтыкать хотел – ну, как обычно. А он – под халатом у меня ремень углядел, хватя его с меня! И... вот. Сувенир мне замастырил какой. Ясен пень, мы тут же друг друга поняли.

– Выходит... – не нашедши, что еще сказать, пробормотал Егор, – ты тоже, Руся, в людях не очень-то разбираешься...

– Я полчаса в себя прийти не мог, – поделился Кузин. – Все думал, как такое возможно-то? Помню, в армейке со мной тоже такой самородок служил – гвозди узлом завязывал, но тот бугаина был, как ты и я вместе сложенные. А Олег – совсем пацанчик на вид. Бывает же в жизни... Ну и насчет Насти он тогда предупредил...

– А Адольф Маркович что? – внезапно охрипшим голосом спросил Егор.

– А что Адольф Маркович? Ничего. Он как раз не в курсе. Не будешь же ему докладывать обо всем об этом, правильно? Он сразу орать начнет: свою работу не делаете, поувольняю к чертовой бабушке... Нам больше всех надо, что ли? Нам лишний геморрой, что ли,

нужен? Да еще какой геморрой... – Кузин снова продемонстрировал свой брелок. – Так что... препараты экономятся, начальство не нервничает, персонал спокоен. И всем хорошо. Ну, бывай... – он ткнул окурок в стоявшую на подоконнике банку из-под консервированного горошка, что выполняла роль пепельницы, – пора мне. Постой... Мне тут анекдот свежий рассказали. Короче, психи захватили дурдом и выдвинули требования: миллион вертолетов и один доллар... Хе-хе... Ладно, счастливо отдежурить.

* * *

Егор переодевался и заступал на смену в какой-то тревожной оторопи. Кто же такой этот Олег... Гай Трегрей? Имя, скорее всего, выдуманное – то есть, по крайней мере, фамилия с отчеством... Если, конечно, «Гай» – это отчество... Будь он из крутых бандитов, так Адольфу Марковичу наверняка позвонили бы его братки, предупредили бы. В первый раз, что ли? Главврач областной психушки – человек в городе известный... в определенных кругах. Или Олег на самом деле псих? А, может, он... одиночка какой, за которым никто не стоит? Но все равно – если он действительно косит, почему так явно... фигурирует? В то время как ему нужно вести себя потише?..

В общем, ничего путного санитар Егор не надумал, только еще больше запутался. Весь день он старался на глаза Олегу не попадаться. Как только замечал парня, сразу менял курс. И убеждал себя при этом поменьше думать на тот счет, как это он – санитар! – да вынужден скрываться от какого-то пациента... Сумасшедшего! Или не сумасшедшего? Обычно на этом вопросе мыслительный процесс Егора заклинивало, и все опять начинало вертеться по кругу: кто он такой, этот Олег?... и так далее.

Во время завтрака и обеда санитар наблюдал за парнем издали, со спины. И постепенно наливался злобой.

Между прочим, разнополым пациентам психиатрической больницы настрого запрещалось контактировать друг с другом – во избежание известных последствий. Больные мужского и женского отделений встречались только в столовой или на телесеансах – и только под бдительными взорами персонала. Впрочем, и этих коротких свиданий некоторым особо озабоченным вполне хватало, чтобы ухитриться условиться о встрече где-нибудь в укромном уголке. Недаром больничному гинекологу вменялось в строгую обязанность проводить осмотр женского отделения не реже, чем раз в неделю... Тем не менее этот урод Олег и малолетняя шалава Настя – как прекрасно видел Егор – свободно общались, даже в столовой сидели за одним столом. И медсестры, и другие санитары не обращали на это ровным счетом никакого внимания. Как будто так и надо.

«Стукануть, что ли, Адольфу? – с ненавистью подумал Егор. – А то скоро пацан вообще всю больничку под себя подомнет. И, главное, сам же все это запустил. Эх, и дурак... Да разве ж я знал, что так выйдет?»

* * *

Самое ожидаемое пациентами мероприятие – просмотр телепрограмм – проводилось ежедневно, обычно после тихого часа, и занимало два-три-четыре часа, в зависимости от поведения больных и настроения персонала. Сегодня начали примерно в половину пятого вечера. Собравшиеся в холле у дежурного поста больные, возбужденно гомоня, наблюдали за привычным, но неизменно будоражающим ритуалом: медсестра неторопливо отпирала большой настенный шкаф в отгороженном столом углу, отворяла широко створки... В шкафу, над ведрами, швабрами и емкостями с моющими средствами, на полке помещался телевизор.

– А ну, не напирайте на стол! – покрикивала медсестра. – А то вообще ничего не будет!

Пациенты рассаживались перед экраном: передние ряды прямо на пол, средние – на корточки, а задние вынуждены были стоять.

Когда-то телесеансы проводились в столовой, и зрители цивилизованно сидели на стульях, почти как в зале кинотеатра. Но год назад свихнувшийся на политике пациент Овсов по кличке Кобыла, чрезмерно взволновавшись выступлением какого-то министра, с кулаками набросился на экранное изображение чиновника. Буяна чудом перехватили, отволокли в надзорку и привязали на сутки к койке. Кобыла успокоился, но, как выяснилось позже, мстительных намерений своих не оставил. Выйдя из надзорки, он во время тихого часа прокрался в столовую, открыв дверь стыренной заранее ложкой, и в прах раскурочил телевизор стулом. Наверное, прямо как Карлсон, полагал, что ненавистный министр именно там и затаился. Самое интересное, что Кобылу так и не наказали. Напротив, целый месяц прятали его в надзорке, потому что абсолютно все лишенные единственного окошка в мир пациенты горячо и искренне желали Овсова линчевать.

И с тех пор новый телевизор (то есть, конечно, *старый* телевизор, привезенный Адольфом Марковичем с личной дачи) поставили под замок на дежурном посту и охраняли пуще зеницы ока. И трудно было сказать, кто больше в этом усердствовал – персонал или сами больные...

И на телесеансе Олег был с Настей. Сам того не замечая, Егор покусывал губы, следя за тем, как оба этих пациента стояли бок о бок в заднем ряду, негромко переговариваясь. Так санитар и смотрел около часа, пока его не вызвали на первый этаж: выковыривать из помывочной чифиристов, забравшихся туда, чтобы под шумок предаться пагубной своей страсти.

Егор и сам понимал: долго так продолжаться не может – то, что он держится в сторонке от Олега. Рано или поздно встретиться им придется. И что тогда? На этот счет санитар не имел ни малейших представлений. Он знал только то, что после известных событий симпатии к нему этот парень не питает. И еще, что он, Олег Га й Трегрей, вполне способен взять и перекрутить здоровенную тушу Егора бабочкой – как пряжку ремня Кузина. То, что Олег не расправился с ним до сих пор... или прямо там, на месте, в ночной столовке, ничего для Егора не значило. Как и все подобные ему люди, он действия окружающих привык определять по самому себе. «Олег с этой Настей вроде как отношения замутил, – прикидывал в уме Егор. – Я бы лично не удовлетворился одной лишь оплеухой типу, который мою девку едва при мне не отодрал...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.